

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ПОДАРОК РАСПУТИНА

ШИФР ФРЕЙЛИНЫ

ЭКСМО

Подарок Распутина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Шифр фрейлины

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Шифр фрейлины / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012 — (Подарок Распутина)

Огромным изумрудом, некогда принадлежавшим императору ацтеков Монтесуме, в свое время владели и завоеватель Мексики Эрнан Кортес, и воришка Джованни, и наполеоновский полковник, и императрица Елизавета Алексеевна... Несколько раз терялся и снова появлялся этот камень, принося кому-то счастье, а кому-то и смерть. Наконец, он попал в руки Анастасии Раевской, фрейлины последней русской императрицы. На этом его следы исчезли... И вот уже в наши дни изумруд Монтесумы был обнаружен в одном из старых московских домов, в тайнике, вместе с яйцом Фаберже. Но кладоискатель Влад Лозовский, наткнувшийся на тайник, и подозревать не мог, какой опасной сделает его жизнь эта находка...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	37
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Сухов

Шифр фрейлины

Часть I

Подозреваемый

Глава 1

Направленный взрыв

На место взрыва, в деревушку Выселки, старший оперуполномоченный ФСБ майор Марк Егорович Федосеев прибыл одним из первых. Удивительно было созерцать сравнительно недалеко от Москвы, всего в каких-то километрах в семидесяти по Ярославскому шоссе, густозалесенный, нетронутый цивилизацией деревенский уголок. Проживавший в столице, Марк уже успел отвыкнуть от широких полей, уходящих куда-то в бесконечность, от огромных лесных массивов, коих не охватить даже долгим взором. А тут – заповедная тишь, потревожить которую осмеливаются разве что кукушки. Даже дышится здесь как-то повольнее...

На окраине деревеньки стоял старый колодезный журавль. Здесь же лавочка, видно для местных кумушек, что зачастую сходятся у колодца. Идиллия, да и только!

Общее впечатление от увиденного портил разве что столетний сруб, стоявший на самой окраине поселка. С покосившимися венцами, почерневший, будто бы от перенесенного горя, с выбитыми стеклами и с выставленной наружу дверью, – всякому, кто его лицезрел, он представлялся осколком канувшей в вечность войны.

Неподалеку от скривившегося сруба, как случается в минуту скорби, а то и большущей радости, сбившись в плотную небольшую группу, стояли несколько местных жителей, одетых неброско, и негромко о чем-то беседовали. В какой-то степени жизнь в деревушке Выселки приостановилась, как это происходит во всякой российской глубинке. Жителей мало интересует мировой кризис, политические скандалы в Евросоюзе, и уж совсем не интересно падение цен на нефть; куда увлекательнее и живее проходит дискуссия о последнем хахале Маланьи или о том, что муж Прасковьи, крепко выпивши, поставил своей благоверной здоровенный синяк под левый глаз. А уж такое происшествие, как взрыв, будет обсуждаться несколько месяцев кряду.

А потому, заняв выжидательную позицию неподалеку от места происшествия, аборигены ненавязчиво требовали к себе подобающего обхождения. Большая их часть уже была допрошена местным участковым еще до появления майора Федосеева, но они, не желая рассасываться по избам, давали понять, что у них в заглазнике имеется нечто важное, что могли бы сообщить следствию. Видно, с ними придется поработать пообстоятельнее. В такой деревушке, как эта, – развлечений никаких, вот разве что мужики подерутся иной раз по пьяному делу; а потому приезд старшего оперуполномоченного из Москвы событие чрезвычайное.

Выбравшись из машины, майор Федосеев кивнул мужикам, смотревшим на него выжидательно, и, помахивая черной кожаной папкой, направился к месту преступления.

Подорванный сруб был оцеплен местной полицией: тремя молодыми сержантами с кислотатыми физиономиями. Ожидание начальника следственной бригады затянулось, и сейчас, заметив майора Федосеева, вышедшего из служебной черной «Волги», они заметно приободрились. Почему-то им показалось, что их дежурство вступает в финальную стадию и что через каких-то пару часов они смогут отправиться к оставленным огородам, броситься в объятия

любимых жен, а то и присесть к обеденному столу, на котором непременно их будет ждать прохладная чекушка водки, как некоторый приз за отличную службу.

Марк невольно хмыкнул: парней придется разочаровать.

У самого порога стоял высокий тощий капитан полиции. Услышав за спиной шаги, он повернулся и настороженно посмотрел на Федосеева.

– Майор Федосеев, старший оперуполномоченный ФСБ, – коротко представился Марк Егорович, – управление по борьбе с терроризмом.

– Капитан Пармонов, местный участковый.

– Понятно, – протянул майор ладонь. – Показывайте, что здесь у вас произошло.

– Пойдемте, товарищ майор, мы вас ждем, – охотно отозвался участковый. – Нам уже сообщили, что вы должны подъехать... Правда, мы вас ожидали немного раньше.

– Из-за пробок задержался, – буркнул Федосеев.

– Взрыв был внутри сруба, причем очень сильный. Потолок и стены все в копоты. Думаю, что взрывчатки было не менее четырех килограммов в тротиловом эквиваленте, а может быть, и все пять!

– Вот как? – невольно удивился Федосеев. – Откуда такая уверенность?

– Во-первых, видно по разлету осколков, – сказал капитан, проходя в коридор. – Весь огород битыми стеклами засыпан, много осколков на дороге лежат, а до нее метров двадцать! – показал капитан в оконный проем на запыленную дорогу, где во множестве поблескивали стекла. – Посмотрите на дверь, – кивнул участковый на расщепленные доски, валявшиеся под ногами. – Дверь в срубе была тяжелая, кованым железом обита, а ее вон куда швырнуло. Через весь коридор к самому выходу!

Марк Егорович кивнул: выводы капитана всецело совпадали с его собственными.

– Соглашусь, капитан. Что дальше?

– А во-вторых, дом очень сильно перекосило: толкни его, и он упадет; а ведь каждый венец сантиметров сорок в диаметре будет. Тут нужна колоссальная сила!

– Удивительно, что крыша еще не разрушилась.

– Полагаю, что разрушения в доме могли быть еще больше, если бы взрыв был произведен где-нибудь на полу в центре комнаты.

– А разве это не так было?

Капитан как-то таинственно улыбнулся и ответил:

– Пойдемте в сруб, товарищ майор.

Перешагнув невысокий порожек, прошли в сруб. На полу лежали два залитых кровью трупа. В груди первого, одетого в светлую рубашку и темные брюки, лежавшего почти в самом центре сруба, зияла огромная развороченная рана; другой, в джинсовой короткой куртке, лежал у рассыпавшейся печки, устремив неподвижный взгляд в потолок.

В углу комнаты стоял огромный, едва ли не под самый потолок металлический несоразмерный шкаф с раздувшимися от взрыва стенками, с тяжелой массивной дверью, едва державшейся на одной петле. Странно, что сваренные металлические пластины не расползлись по швам. Шкаф был немецкий, изготовленный в позапрошлом веке из бронированного металла и в свое время представлявший собой вершину инженерной мысли. О его легированную поверхность с легкостью ломались самые крепкие сверла медвежатников.

А сейчас он стоял в углу с вспучившимися боками...

– Убитых осмотрели?

– Ждали вашего появления.

– Правильно, – согласился Федосеев, осторожно ступая по раскиданным стеклам.

Именно так и выглядит взорванная изнутри комната. А их за период командировок на Северный Кавказ он насмотрелся немало. Казалось, что внутри сруба не сохранилось ни одной

целой вещи, а оконные стекла были расколочены до такой степени, как будто бы кто-то особенно старательный решил раздробить их на мелкие кусочки.

Во дворе раздался звук мотора подъехавшей машины. Затем громко хлопнула дверца, и майор тотчас услышал громкий голос подполковника Крапивина, начальника экспертного отдела. Обычно на место преступления он отправлял своих заместителей, предпочитая больше времени проводить в лаборатории. Сейчас его появление значило только одно: дело находится на особом контроле, и из мягкого кресла на стылую улицу его вытряхнул какой-то начальник. Это следовало учитывать, он мог пребывать в скверном настроении.

Федосеев подошел к оконному проему и увидел крупную фигуру Крапивина, а вместе с ним еще двух человек из лаборатории оружия и взрывчатых веществ. Рядом, обвешанный фотоаппаратами и с видеокамерой в руках, невесело плелся техник-криминалист со смешной фамилией Зябликов. Физиономия его выглядела настолько унылой, что можно было подумать, что он плелся на плаху. Наверняка его оторвали от обильного стола, и сейчас он искренне сожалел об оставленных на тарелках бутербродах с маслом и красной икрой. Но Федосеев знал, что все его уныние улетучится в тот самый момент, когда он увидит парочку свеженьких трупов. Глаза запылают профессиональным азартом, и Василий Зябликов защелкает одновременно сразу и всеми фотоаппаратами. Упрекать его в нелюбви к своему ремеслу было бы грешно.

Как и всякий оперативник, майор Федосеев относился к экспертам с некоторым пренебрежением, считая их эдакой белой костью. Большую часть времени они пропадали в лаборатории, занимаясь малопонятными вещами, и уж, конечно же, были весьма далеки от оперативных мероприятий, где за стрелковое оружие приходится браться гораздо чаще, чем за пачку сигарет.

В отличие от других экспертов, шарахающихся от спортивных снарядов, как черти от ладана, Крапивин имел отменную мускулатуру и едва ли не ежедневно посещал спортивный зал, потев там в нелегких рукопашных боях. Так что по своей психологии он был больше оперативником, нежели экспертом. А в прошлом месяце с ним произошел случай, которому даже никто не удивился: он сумел обезоружить двух вооруженных преступников, отважившихся ограбить привокзальный киоск.

– Место происшествия снять на видеокамеру, – уже в прихожей раздался голос Крапивина. – Все тщательнейшим образом. Не упускать ни одну деталь, ни одну мелочь... Ага, значит, я не первый, – слегка поморщился эксперт, заметив в оконном проеме майора Федосеева. – Так и хочется сказать, какая... противная встреча. Но я промолчу.

– Успокойся, – улыбнувшись, протянул руку Марк Егорович, – в следующий раз тебе непременно повезет.

– Был взрыв, я так понимаю, – осмотрел закопченные стены Крапивин.

– Очень тонкое наблюдение, – съязвил Федосеев, – причем взрывчатки было не со спичечную коробочку.

– Предварительно около пяти килограммов тротила. Даже странно, что избушка по бревнышку не разлетелась. На этом месте могла быть большая воронка. Ага, – кивнул Крапивин на раздутый сейф, – теперь вижу, кому не повезло. Хм, ситуация могла быть куда драматичнее, если бы не эта броня.

Поправляя тяжелые очки на тонкой переносице, подошел техник-криминалист с фамилией Зябликов, которая невероятно шла к его внешности.

– Вася, сними вот этого медведя, – показал подполковник на сейф. – Такого снимка в моей коллекции, кажется, еще не было.

– Хорошо, – охотно согласился Зябликов, направляя объектив в угол комнаты.

– Представляю, как тут полыхнуло, – проговорил подполковник Крапивин, осторожно обходя труп, лежавший в центре помещения. – Взрыв был направленный, в основном в сторону двери, эта стена особенно черная. На какую-то секунду здесь был самый настоящий ад!

– Правда, покойники понять этого так и не успели.

– Это точно. Просто сгнули в раскаленном пламени, и все тут! На фугас похоже. – Подполковник потрогал ладонью почерневшее шероховатое бревно, вытащил из кармана лупу, всмотрелся в распилы.

– И что там? – заинтересованно спросил Федосеев.

– Взрывное устройство было без оболочки. Представляю, что тут могло произойти, если бы имелся стальной корпус или хотя бы взрывчатка была начинена железом. Тут бы все стены были в осколках, а так... ничего. Если, конечно, не считать вот этого куска металла, – ковырнул Крапивин перочинным ножом брус. – Ага! Понимаю... Похоже, что это фрагмент от замка. Эх его раскурочило! Интересно, в какой таре они держали тротил? – повертел он головой по сторонам.

– А может, вот это? – поднял Федосеев с пола небольшой кусок замазанной картонки.

– Давай погляжу...

Взяв картон, Крапивин внимательно осмотрел его со всех сторон. Поскреб поверхность ногтем, после чего объявил:

– Похоже, что так оно и есть. Марк Егорович, у тебя глаз алмаз! А может, тебе бросить оперативную работу и подаваться к нам, а? Нам такие способные люди позарез нужны! А то ты все бегаешь с пистолетом по темным улицам, тебе даже передохнуть некогда.

Техник-криминалист, стараясь не пропустить и малейшей детали, снимал на видеокамеру обстановку в срубе, точнее, то, что от нее осталось. Особое внимание уделил развороченному сейфу, как если бы намеревался отыскать в его раскуроченном нутре нечто такое, что не удалось заметить другим.

– Василия я тотчас прогоню, – продолжал Крапивин с серьезными интонациями и посмотрел на техника-криминалиста, склонившегося в этот момент над убитым. – Возьмешь у него видеокамеру и будешь снимать. А то иногда смотришь его творения и, ей-богу, не понимаешь, чего он там отснял: то ли оперативную съемку произвел, то ли фильм ужасов сделал.

Техник-криминалист оказался парнем серьезным, не отрываясь, он склонился еще ниже, запечатлевая лица убитых. Трудно было понять, для каких именно целей экспертам понадобился смертельный оскал, но, судя по тому, как старался Зябликов, какой-то глубинный смысл во всем этом присутствовал.

– Предложение интересное, – столь же серьезно ответил Федосеев, – я подумаю. Но сейчас нам нужно разобраться с этим делом. Значит, ты полагаешь, что тротил хранился в обычной коробке из-под торта?

– Что-то вроде того. Разумеется, был запал, иначе бы не рвануло. – Внимательно изучив надпись, подполковник добавил: – Торт, кстати, назывался «Осень».

– Вряд ли это что-то даст для экспертизы. Такие торты продают едва ли не в каждом магазине. А потом и коробка прошлогодняя.

В комнату с сумкой через плечо вошел капитан Никита Чумаков, один из помощников Крапивина. С ним Федосеев не единожды пересекался по совместным делам и сейчас искренне обрадовался, что в усиление прикрепили именно его. Руководство так поступало всегда, когда дело считалось приоритетным и его требовалось раскрыть в кратчайшие сроки. Никита Чумаков был из той редкой и въедливой породы людей, мимо которых не проходила ни одна маломальская мелочь. Даже из самых скудных данных он умудрялся получать максимум информации. Сотрудники не без основания шутили, что следы жизни он сумел бы отыскать даже во Вселенной.

Он со своей черной сумкой, вмещавшей всевозможные порошки и жидкости, о значении большей части которых Федосеев даже не догадывался, способен был на месте преступления проводить криминалистическое исследование одежды, дактилоскопическую экспертизу, габитоскопию и еще много чего другого.

Не замечая присутствующих, Никита Чумаков присел на корточки и принялся всматриваться в следы, оставленные на полу. Теперь окружающий мир для него перестал существовать; казалось, что он впадает в какой-то транс. И не выйдет из него до тех самых пор, пока, наконец, не будет разгадана очередная криминалистическая загадка. Согнувшись в три погибели, Чумаков посыпал на одежду покойника какие-то порошки. Удовлетворенно хмыкнув, достал липкую ленту.

– Странная получается история, – задумчиво протянул Марк Егорович. – Выходит, что убитых кто-то специально подвел под этот заминированный сейф. Знаете, кому принадлежит эта хибара? – повернулся он к участковому, скромно стоявшему у порога.

– Так точно, товарищ майор, – с готовностью отозвался капитан. – Сруб принадлежит Владлену Лозовскому. Здесь когда-то проживала его бабка, дом достался ему от нее по наследству.

– Как часто он здесь бывал?

– Появляется он в деревне редко, может быть, один или два раза в неделю. В основном приезжал с девушками... Готовили шашлыки, пили вино, потом ночевали... Ничего подозрительного за ним не наблюдалось. Обыкновенный парень. Как и все.

– Вижу, что вы зря время не теряли, – одобрительно проговорил Федосеев. – Похвально. А не узнали, чем занимается этот Лозовский? Кем он работал?

Участковый пожал плечами:

– В деревне о нем никто ничего толком не знает. Контактных особых у него ни с кем не было. Знаю, что как будто бы учился какое-то время в вузе, а потом перебивался временными заработками.

– Перебивался, – невесело хмыкнул Марк Егорович. – Ведь где-то он раздобыл пять килограммов тротила. Ладно, разберемся... Карманы у убитых не проверили? – остановил Федосеев строгий взгляд на капитане.

– Посчитали, что это лучше сделать экспертам.

– Что ж, правильно, что так посчитали, – отозвался подполковник Крапивин. – Никита, посмотри, что у него там в карманах.

Отложив в сторону пластиковые пакетики, заполненные каким-то серым сором, Чумаков надел резиновые перчатки и осторожно перевернул на спину мертвеца. Аккуратно прощупал карманы и принялся вытаскивать из них содержимое: початую пачку сигарет, затертую белую зажигалку, связку ключей, после чего стал аккуратно складывать на картон, прикрепляя к каждой вещичке номерки.

– Сфотографируй, – распорядился Чумаков.

Техник-криминалист, осторожно ступая по расчищенным местам на дощатом полу, приблизился и сделал несколько снимков крупным планом.

Чумаков сунул руку во внутренний карман и вытащил бумажник с пачкой денег.

– Сколько? – спросил Марк Егорович.

Пересчитав, Никита сообщил:

– Пятнадцать тысяч рублей.

– Нехило! Документы имеются? – с надеждой спросил Федосеев.

Открыв бумажник, Никита Чумаков осмотрел каждый отсек:

– Ничего!

– Что там у второго?

Эксперт аккуратно постучал по карманам убитого.

– Кажется, что-то есть. – Чумаков сунул ладонь во внутренний карман джинсовой куртки.

Так оно и есть – паспорт! Открыв первую страницу, прочитал:

– Владлен Рувимович Лозовский, прописан по адресу Москва, проспект Энтузиастов, двадцать один. Взгляните, – протянул он паспорт майору Федосееву.

– Значит, это и есть хозяин? – всмотрелся Федосеев в фотографию в паспорте, с которой на него смотрело молодое приветливое лицо, не имевшее ничего общего с человеком, лежавшим на полу. – Лицо обезображено, не узнать.

– Получается, что так, – с некоторым сомнением проговорил Чумаков. – Нужно будет сделать дактилоскопию; может, пальчики трупа имеются в базе данных. А это еще что такое? – Между страницами паспорта лежала визитная карточка. Приподняв ее, майор Федосеев прочитал: – Илья Тимофеевич Никольский, следственный отдел. Что бы это могло значить? Похоже, что у нашего мертвеца были какие-то дела со следственным отделом. Нужно будет выяснить, в чем тут дело.

– Я вот чего не пойму: они ведь должны были приехать на машине, сюда же никакой транспорт не ходит. Тогда где же в таком случае их машина? – спросил озадаченно Федосеев.

Осторожно уложив пластиковые пакетики в портфель, капитан Чумаков отозвался:

– Я обратил на это внимание... У самого плетня свежий след протектора от легковой машины. Какой именно, сказать пока трудно, можно лишь только предположить.

– Что же тогда получается? Выходит, что здесь был некто третий, который после взрыва сел в свободную машину и укатил восвояси? Хотелось бы познакомиться с этим умником, – в задумчивости произнес майор Федосеев. – Ладно, вы тут работайте, а я поговорю с местными, может, из них кто-то чего-то вспомнит.

Марк вышел из дома. Деревенского люду прибавилось. Собравшиеся у ветхого плетня аборигены, покуривая, о чем-то негромко разговаривали, даже спорили, кидая красноречивые взгляды на покосившийся дом. Федосеев подошел к группе мужиков.

– Табачком не угостите? – улыбнувшись, проговорил он.

Один из курильщиков, – долговязый, с опущенными плечами и сонным выражением, – несильным шелчком выбил из пачки сигарету и протянул ее Федосееву.

– Благодарю, – кивнул майор, воткнув сигарету в уголок рта. – Огоньку бы еще.

Так же молчком долговязый чиркнул зажигалкой. Во внутреннем кармане пиджака у Федосеева лежала собственная нераспечатанная пачка «Кэмела», купленная накануне. Однако он решил ее не доставать. Известно, что более подходящей причины для разговора, чем попросить сигареты, не существует. Тут как бы сразу становишься членом некоторого братства по отравлению никотином собственных легких.

Пыхнув дымом, Федосеев спросил:

– Взрыв, наверное, на всю округу был слышен?

– Верно, – бесцветно отозвался долговязый. – Так долбануло, что от взрывной волны все стекла в соседних домах повышибало.

– Верю... Я майор ФСБ Федосеев, – раскрыл удостоверение Марк Егорович, – занимаюсь этим делом. Вы случайно никого из чужих не видели в деревне перед взрывом? Ну, может, машина какая-то подъезжала?

– Была машина, – уверенно сказал невысокий человек с грубоватым загорелым лицом. – Она остановилась как раз около плетня, вон у того угла, – махнул он рукой.

Майор Федосеев кивнул, соглашаясь:

– А какой марки, не помните?

– Трудно сказать, – ответил невысокий, держа сигарету большим и указательным пальцами. В основании большого пальца Федосеев заметил пять вытатуированных точек: квадрат, в центре которого еще одна, более жирная. Смысл нехитрый – «кругом стены, а я посередине». Обычно такими наколками помечают себя малолетки, оказавшиеся в колонии. Глядя на степенного мужчину, чьи ладони поглубели от тяжелой деревенской работы, трудно было заподозрить его в чем-то противозаконном. – Возможно, «Ниссан», а может, и «Тойота», но точно не скажу. Особенно ведь и не приглядываешься. Приехал сосед, ну и ладно! У каждого свои дела.

– Тоже верно. А вы случайно не заметили, кто выходил из машины?

– Кажется, трое вышли, – неуверенно ответил татуированный. В глубине рта блеснула золотая фикса. Собеседник имел куда более сложную биографию, чем могло показаться поначалу, а если задерет на спине рубашку, так наверняка можно будет увидеть с пяток выколотых куполов. – Один из них точно был Владлен.

– А где ваш дом?

– Во-он тот, у косогора.

– Далековато будет. Как же вы его так сразу рассмотрели?

– Его лица я не разглядел, – слегка смутившись, ответил татуированный, – но вот походка верно его. Я тогда еще удивился, думаю, почему это он вдруг не на своей машине прикатил? Да еще с какими-то угрюмыми мужиками. В прежние времена он как-то все больше по девкам специализировался.

– А во время взрыва вы где были?

– Теплицу подправлял... Позавчера у нас ураган прошел – яблони поломал, крышу с теплицы сорвал... Я только начал столб вкапывать, чтобы стенку у теплицы подправить, а тут как долбанет! У меня все стекла в доме посыпались. Сразу понял, что это тротил, причем его было много. Несколько килограммов. Баллон с газом все-таки по-другому взрывается.

– А с чего вы решили, что тротил?

– Лет двадцать назад на Чукотке горняком работал. Так что взрывов насмотрелся.

– Понятно.

– Пока в окна выглядывал, чтобы выяснить, что там стряслось, услышал, что машина отъехала. Повернулся, а она уже у леса. А тут смотрю, дом у соседа как-то перекошило, дверь входная вообще в огороде лежит. А она у него здоровущая, вдвоем едва поднимешь. Думаю, крепко шибануло. Вышел посмотреть, что там у него случилось. Подошел. Повсюду стекла валяются, дом почернел, завалился как-то. Зашел внутрь, а там два покойника лежат, а в углу сейф стоит развороченный.

– Это не вы позвонили в полицию? – спросил Федосеев, докуривая сигарету. Только пошел обстоятельный разговор, а табачок уже на исходе.

– Кому-то нужно было это сделать. Хотел было уйти... да натоптал уже. Наверняка чего-нибудь отыщется, будут меня искать. – Прищурившись, спросил: – А мне это надо? Думаю, чего же осложнять ситуацию.

Перед ним стоял человек, много повидавший, битый жизнью. Такие люди обычно больше наблюдают, нежели говорят. А уж если что-то произносят, так только крепко подумавши.

– Все так...

– Думаете, что это Владлен сделал? – В голосе татуированного прозвучало откровенное сомнение. Чувствовалось, что в этой компании он был за главного. Собственно, и не удивительно с таким-то послужным списком!

Вот они, побочные последствия табачного гостеприимства: мы тебя угостили сигареткой, уважили, ответили на все твои вопросы, теперь твоя очередь быть откровенным. Следовало подчиниться неписаным правилам радушия, иначе в следующий раз общаться с ними будет значительно труднее. А уж из этого матерого человечика и вовсе слова не вытянешь, даже если будешь тянуть клещами.

Откинув сигарету в сторону, как бы подведя черту под состоявшейся беседой, майор произнес:

– Трудно так сразу сказать. Разобраться во всем надо... А потом ведь несколько килограммов тротила – дело нешуточное, его где-то раздобыть нужно. Провезти через весь город, как-то хранить, чтобы не нашли... Это не каждый сумеет. Может, еще что-нибудь необычное заметили?

– Кроме этой машины, что у плетня остановилась, еще одна подъехала. Заезжать в поселок она не стала, а просто стояла около леса. А когда взрыв прогремел, так она сразу уехала.

– Может, это грибники подъехали? – предположил Федосеев.

– На грибников не похоже. Обычно те с ведрами по лесу шастают, а эти даже из машины не вышли, чтобы размяться, только приоткрыли окошко и все на дом смотрели, – махнул татуированной рукой с дымящейся между пальцами сигаретой. – Может, я и ошибаюсь, но у меня такое впечатление, что они просто следили за домом.

– А модель машины не запомнили?

– Далековато было... А потом меня это как-то особо не интересовало. Своих дел полно.

– У меня еще такой вопрос: а среди убитых хозяин был?

– В комнату я не проходил, сказал уже, мало ли чего... Поэтому не рассмотрел. Ведь и меня могут ненароком приплести.

– Случалось?

– Доводилось, – скупно обронил татуированный.

– А может, вы пройдете со мной, посмотрите, есть ли там хозяин?

Отбросив сигарету в сторонку, татуированный невесело произнес:

– Пойдемте, если нужно.

* * *

Никита Чумаков, надев резиновые перчатки, аккуратно перебирал в углу мусор. Вряд ли он искал что-то определенное, просто никогда не знаешь, на что можно натолкнуться. Это может быть пустая гильза от пистолета, из которого было совершено убийство, или золотая брошь, числящаяся в розыске. Так что лучше переусердствовать, чем чего-то упустить. У трупа, одетого в джинсовую куртку, ладони были перепачканы краской, и листки с отпечатками его пальцев техник-криминалист аккуратно складывал в бланк дактилокарты.

– Подойдите сюда, – пригласил Федосеев татуированного.

Похрустывая стеклом, разбросанным по полу, мужчина приблизился.

– Взгляните на этого человека... Это случайно не хозяин дома?

Мужчина приблизился. Понять его чувства можно – все-таки разглядывать приходится не полотна Третьяковской галереи, а обезображенный взрывом труп.

– Трудно сказать. Лицо изуродовано, осколками побито... Вроде бы похож, а вроде бы чего-то не хватает.

– А одежда его?

– Парень он был модный, – неопределенно пожал плечами татуированный. – Одежды у него было много, в одних брючках и в одной рубашечке не ходил. Так что всего и не упомнишь. Но, кажись, курточка все-таки его, – голос мужчины неожиданно окреп. – Да, точно его! – с уверенностью проговорил он.

Глава 2

1518 год. Дурной знак

В двенадцатый год правления ацтекского императора Монтесумы Второго в ночном небе Теночтитлана, столицы государства, вдруг появилось огромное светящееся тело. Прочертив широкую сверкающую дугу, помалу сужавшуюся к головной части ярко-красным цветом, загадочный круг устремился к самому центру небосвода. В городе сделалось так светло, как случается лишь во время лесного пожара.

Огненный свет пропал только с рассветом, а ближе к полудню неожиданно вспыхнул храм главного божества, и его не смогли потушить даже к заходу следующего дня.

К утру воды озера без особых причин поднялись и затопили город. Три дня вода стояла на улицах, плескаясь у подножий храмов, и большая часть жителей ушла в горы, а остальные пережидали непогоду на крышах своих домов. Затем вода спала столь же неожиданно, как и возникла. А еще через сутки по небу с запада на восток пролетела комета, разбрасывая в почерневшее небо искры, словно раскаленные уголья.

Дурные знаки следовали один за другим, пугая жителей. И чтобы умиловить кровавых богов, главным жрецом храма бога войны было решено провести большое жертвоприношение прямо на ступенях святилища...

* * *

Подгоняемый дурными предчувствиями, на третий день после появления светящегося тела, в темный душный вечер, император пришел к древней ведунье Чтилане и попросил поведать о своей судьбе.

Старая ведьма долго что-то колдовала среди разложенных горшков с потрохами ящериц и птиц, а потом неодобрительно закачала головой:

– Через семь месяцев с моря к границам государства на больших плотках прибудет Пернатый змей Кетцалькоатль. Змей расстался со своим народом, чтобы установить в твоём городе свой новый порядок, где тебе уже не будет места, – посмотрев в глаза императора, уверенно проговорила она.

Сглотнув, Монтесума спросил:

– А куда же денусь я? Что будет со мной?

Старая колдунья, явно сочувствуя императору, с горечью произнесла:

– Ты погибнешь, Монтесума... А следом за тобой исчезнет и вся твоя империя.

Удрученный услышанным предзнаменованием и переполненный невеселыми мыслями император вернулся во дворец. Всю следующую неделю он не выезжал в город, не показывался на балконе перед народом, как бывало прежде, не прогуливался в парке. Из ближнего окружения он допускал к себе только своего брата, наследника Куитлаука, и главного жреца храма бога войны Хуакана, с которыми подолгу беседовал о судьбе империи и даже зачитывал собственные стихи, полные печали.

Единственной отрадой для императора оставался огромный зверинец – какого не было ни у одного венценосца, правившего до него – вмещавший тысячи четвероногих и птиц. Поздней ночью Монтесума подходил к клеткам и смотрел на животных. Звери, собранные с обширного континента, помещались в огромных вольерах и просторных клетках, за которыми приглядывали около трехсот слуг.

По соседству в отдельном помещении, выложенном гранитными глыбами, помещался террариум, где в огромных банках размещались различные ядовитые змеи. Через небольшую

перегородку располагались большущие гремучие змеи, украшенные перьями. Остановившись у высокого вольера, едва ли не в половину человеческого роста, император через прозрачные толстые стекла наблюдал за крупной гремучей змеей. С переплетающимся красивым узором, она выглядела необыкновенно красиво. Неожиданно развернув упругое мускулистое тело, змея поднялась на хвосте, уставившись немигающим взором на Монтесуму.

Это была самая крупная гремучая змея из всех существующих на Земле, едва ли не в два человеческих роста. Прежде чем ее удалось пленить, она сумела ужалить трех слуг, которые вскоре в страшных муках скончались. Еще четверо погибли в тот момент, когда пресмыкающееся пересаживали в большой застекленный вольер, где она могла бы достойно встретить свою старость. Так что за свое пленение она взяла приличную дань.

Перед ним была царица змей, и когда она стучала погремушкой, размещенной на конце хвоста, то невольно затихали все змеи, находящиеся по соседству в вольерах, как если бы желали услышать, о чем хочет поведать повелительница.

Никто из его подданных не осмеливался посмотреть императору в глаза; лишь змея была способна на такой поступок, воспринимая Монтесуму как равного, не признавая над собой ничьей власти. Каким-то невероятным образом император вдруг осознавал, что попадает под влияние ее немигающих глаз. Получается, что змея сильнее, если сумела покорить его своей воле.

Монтесума вдруг похолодел от пришедшей мысли: «А что, если пойманная гремучая гадина – дочь Пернатого змея и он явится в его владения для того, чтобы освободить ее?»

Прозвучали сухие щелчки – именно таким образом гремучие змеи предупреждают о своем нападении, – в ту же секунду, раскрыв большую пасть, сверкнув при этом обнажившимися длинными кривыми зубами, она с силой ударила тупой мордой в стекло, заставив императора в страхе отпрянуть.

– Сегодня все змеи какие-то встревоженные, – проговорил немолодой слуга, ухаживающий за царицей змей.

– Это дурной знак, – еще более нахмурился Монтесума. – Змея лежала неподвижно в дальнем конце террариума, но стоило мне только подойти к ней, как она подползла поближе, чтобы броситься на меня.

– Великий владыка, – не смея посмотреть императору в глаза, произнес старый слуга, – эта змея отличается от всех остальных. Невозможно предугадать ее поведение. Она способна вцепиться даже в руку, которая ее кормит.

– Именно так ведут себя повелители. Они всегда непредсказуемы... Отпусти эту змею, – распорядился Монтесума.

– Великий владыка, – слуга продолжал стоять согнувшись, – я занимаюсь змеями без малого тридцать лет, но никогда не видел более породистой, чем эта. Уверяю вас, великий повелитель, это настоящая королева змей. Если мы ее отпустим, то никогда больше ее не поймем. Такой редкий экземпляр встречается только раз в жизни, может быть, один раз в сто лет, – не желал сдаваться слуга.

– Не годится императору держать в заточении королеву, – сказал Монтесума и направился к выходу. Обернувшись у самой двери, добавил: – Я хочу увидеть, как ее отпустят. Сегодня же вечером.

– Слушаюсь, – низко поклонившись, ответил слуга.

На закате солнца, когда император уже садился в носилки, чтобы прогуляться по своему любимому саду, к нему подошел смотритель зверинца. Рядом с ним стоял высокий юноша с большой банкой в руках.

– Великий повелитель, вы хотели посмотреть, как мы отпустим владычицу всех змей.

– Да. А где прежний смотритель?

– Его больше нет, великий император, он умер два часа назад. Королева змей ужалила его в шею.

На лице Монтесумы не дрогнул даже мускул. Восемь жертвований Пернатому змею – не так уж и мало, чтобы спасти империю. Может, после этого тот не станет тревожить его царство.

Со всех сторон дворец обступали величественные деревья, уходящие кронами высоко в небо. Дорожки парка, прямые, будто стрелы, уводили вдаль. Порой император любил прогуляться по ним, чтобы насладиться ароматом распускающихся цветов.

– Отпускай! – распорядился Монтесума. – Я хочу побыстрее увидеть, как змея уползет.

– Великий владыка, по вечерам в саду бывает много сановников, по утрам здесь часто гуляют дети. Змея может на кого-нибудь наброситься, – склонившись, возразил смотритель.

– Такая королева должна жить только в императорском саду, – немного подумав, ответил Монтесума.

Восемь жертвоприношений Пернатому змею, конечно же, хорошо, но будет лучше, если жертв окажется больше.

– Слушаюсь, великий повелитель... Отпускаю!

Юноша с банкой в руках прошел по тропе и без особого пиетета, как если бы в ней находился какой-то сор, а не королева змей, вытряхнул ее на землю.

Упав на полированные гранитные плиты, змея свернулась в клубок, затем подняла голову и осторожно осмотрелась. Некоторое время пресмыкающееся смотрело на Монтесуму, как если бы хотела навсегда запечатлеть его образ в своей махонькой головке. От немигающего взора змеи по телу императора пробежали мурашки, королева взирала на него так, как если бы обещала вернуться и наказать за свое пленение. Затем, скрутившись в тугий комок, змея прыгнула в разросшийся куст роз и, прошуршав в густой траве, исчезла.

Глава 3

1519 год. Золото ацтеков

Раздвинув ветки деревьев, Тиуакан увидел, как к берегу подошли две огромные пироги, из которых по широким доскам на берег вышли люди, облаченные в металлическую одежду. Следом вывели больших животных, очень напоминающих оленей, вот только без рогов. Чужеземцы быстро разбили лагерь с высокими шатрами, окружив его небольшим забором из срубленных тонких деревьев.

Один из чужаков направил палку, что держал в руках, на пролетавшую в небе куропатку – раздался грохот, от которого у Тиуакана заложило уши, а убитая птица упала вниз.

Подозвав к себе гонца, отличавшегося от прочих воинов вплетенными в волосы красными лентами, Тиуакан приказал:

– Передашь следующему гонцу все, что увидел. И про большие пироги, и про безрогих оленей, на которых можно ездить верхом, и про палки, которые убивают на расстоянии.

– Я ничего не забуду, командир, – ответил гонец.

– Беги, чем раньше дурная весть дойдет до ушей императора, тем будет лучше для нас всех. А я сейчас спущусь к ним и узнаю, что им надо в наших землях. Следом за тобой побегит еще один гонец, так что постарайся быть первым.

Кивнув, гонец помчался по горной дороге через перевал.

* * *

По своему обыкновению, Монтесума проснулся рано.

После завтрака император первым делом отправлялся кормить своих любимых ягуаров, которые, завидев его еще издали, приветствовали дружным рыком. В пище звери были неразборчивы. Они одинаково охотно поедали как мясо оленей, так и человеческие останки, оставшиеся после жертвоприношений. Но в этот раз император решил побаловать их мясом собак, посмеявшись разорвать его любимого попугая. Слуги уже порубили трупы на куски, сложили в большие корзины, и императору оставалось только побросать фрагменты тел через металлические прутья.

Слуги повязали на талии императора кушак, надели нарядную накидку, сплетенную из зеленых перьев тропических птиц. Монтесума уже готов был выйти из дворца, как в гостиную неожиданно вошел сановник Ахаякатль, отвечавший за неприкосновенность имперских границ, и, упав на колени, как и полагалось при дурной вести, горячо заговорил:

– Гневный владыка, только что прибыли два гонца; они сообщили мне, будто недалеко от границ государства пристали большие пироги, в которых было много чужеземцев. На них металлическая одежда. Они ездят верхом на приученных оленях. А палки, что они держат в руках, полыхают огнем и способны убить на большом расстоянии любого зверя.

Пророческие слова ведуньи сбывались. Появившиеся на море корабли вполне могли быть огромным плотом Кетцалькоатля, Пернатого змея, о котором поведала ему выжившая из ума старуха.

– Когда вы их заметили?

– Два дня назад. Почти сразу же... Мы были уже на берегу, когда они разбивали свой лагерь. Среди них была женщина, которая хорошо говорила на нашем языке.

– Она из ацтеков?

– Нет, она из народа майя, – поспешно ответил Ахаякатль. – Ее зовут Малинче. Она все время была рядом с мужчиной, которого чужеземцы называли Кортесом. Начальник гарнизона Тиуакан утверждает, что он у них главный.

– Чужеземцы о чем-нибудь спрашивали солдат? – спросил взволнованный император.

– Чужеземцы спросили, откуда мы пришли, – ответил сановник.

– Что же они ему ответили? – В голосе императора послышался ужас. Теперь он понимал, что сбываются не только предсказания сумасшедшей ведуньи, но и все те видения, которые преследовали его в последнее время. Следовательно, он станет свидетелем краха ацтекской цивилизации, одной из самых величайших империй мира.

– Они назвались торговцами и сказали, что родом из этих мест.

– Солдаты поступили дальновидно. Ни один чужеземец не должен знать, где находится столица ацтеков.

– Великий владыка, рано или поздно они все равно узнают об этом, их очень много, – возразил сановник. – Они любопытны и стараются проникнуть в глубь территории. Мне кажется, что они не поверили ни одному сказанному слову.

– Пусть Тиуакан и его люди следят за ними, будут все время рядом и не отходят от чужаков ни на шаг. Возьмите большие дары: золото, драгоценные камни, дорогие ткани и снесите все это на их пироги. Пусть они пообещают никогда больше не заходить на наши земли.

– Твои слова мудры, великий владыка, мы так и поступим, – поклонился сановник и, пятясь к двери, удалился.

Не проронив ни слова, Монтесума поднялся и вышел из покоев, увлекая за собой многочисленных вельмож.

Быстрым шагом император пересек дворец и вышел в сад, откуда можно было увидеть семиярусный храм Пернатого змея. Внешне святилище не изменилось, было таким же, как двести и даже триста лет тому назад. Его ярусы были украшены чередующимися рядами статуй каменных кобр и изваяний лиц с выпученными глазами. Каменные головы змей, обрамленные короткими широкими перьями, выкрашенные охрой, украшали фасад здания. Их глаза, выточенные из черного обсидиана, ярко сверкали на солнце и были устремлены прямо на него. Вроде бы все обычно – и все-таки что-то в облике каменных зверей было не так. В них как будто бы проявилась какая-то угроза, неведомая прежде.

* * *

Прошло почти пятнадцать лет, как командор Эрнан Кортес отправился в Новую Испанию, куда позвал его дальний родственник дон Овандо, доверенное лицо короля. Авантюрного склада, честолюбивый, Кортес не совершил на Кубе никаких подвигов, кроме разве что донжуанских. А вскоре под обаяние молодого Кортеса попала свояченица губернатора Веласкеса красавица Католина, которая, пренебрегая наставлениями строгой матушки, прямо среди ночи убежала к дому разгульного колониста. А когда их тесные отношения сделались настолько очевидными, что их невозможно было скрыть даже под бесформенными платьями Католины, рассерженный губернатор явился в его дом в сопровождении стражи и потребовал, чтобы тот немедленно женился на сеньорите, если не хочет быть съеденным заживо крысами где-нибудь в подземельях городской тюрьмы. А еще через три месяца Кортес стал счастливым отцом прелестной малышки по имени Анна.

Семейная идиллия продолжалась ровно два месяца, до тех самых пор, пока однажды, замаливая очередной блуд в церкви, Эрнан не столкнулся в притворе с двумя прехорошенькими сестричками, Хуанитой и Летисией, прибывшими на Кубу всего-то на прошлой неделе. Эрнан Кортес тотчас взял их под свое личное покровительство, пообещав показать все местные достопримечательности, а их на Кубе имелось немало. Девицы не возражали против обще-

ния со статным и галантным красавцем, а Кортес, не лишенный слуха и голоса, пленил их все сильнее и в порыве накативших чувств нередко исполнял для девушек серенады собственного сочинения. Сестрами Кортес увлекся всерьез, настолько, что не знал, на которой из них остановить выбор, а потому перескакивал из одной койки в другую, напрочь позабыв о молодой жене. Так что в окружении Кортеса никто даже не удивился тому, когда через положенный срок обе сестрицы разрешились мальчиками, которые были точной копией молодого колони-ста. Отношения с губернатором, уставшим от походов родственника, разладились окончательно, а однажды, глядя в глаза Кортесу, суровый Веласкес заявил, что он не удивится, если когда-нибудь ему доложат о том, что зятя нашли где-нибудь в придорожной канаве, погибшим от рук ревнивца-мужа.

Подобное изречение следовало воспринимать как откровенную угрозу, и капитану Кортесу ничего более не оставалось, как скрыться подальше от злой воли губернатора, а именно – открывать для Испании новые земли.

* * *

На пути была Мексика, таинственная и богатая. По многочисленным рассказам индейцев, где-то в глубине континента в широкой долине размещались десять городов, главным из которых был город ацтеков Теночтитлан.

Высадившись близ индейского города Табаско, во многом уже испанского, Кортес принял в своем шатре послов из города Теночтитлан, расположенного в мексиканской долине. Среди них высоким ростом – едва ли не на полголовы выше остальных, – а также богатыми шерстяными одеждами, которые смеют носить только люди знатные, выделялся мрачного вида индеец.

– Малинче, – обратился Кортес к женщине из своей свиты, – кажется, ты говоришь на их языке?

– Я пять лет прожила среди них, командор. Когда-то отец отдал меня замуж за одного из жрецов, я была его шестой женой. Мне пришлось выучить язык ацтеков.

– У тебя хорошая практика, Малинче; надеюсь, она тебе пригодится. Спроси у них, кто они такие? Что им нужно?

Полгода назад в числе двадцати других женщин, вместе с золотыми изделиями, она была подарена индейцами майя командору. Испанцы сразу же стали звать ее на свой манер. Поначалу Кортес хотел отдать ее своему сподвижнику, капитану Эрнандесу де Портокареро, но, узнав, что она знает испанский язык, решил оставить в качестве переводчицы.

Женщина перевела, стараясь скопировать интонации конкистадора.

Индеец стал что-то быстро говорить.

– Он сказал, что его зовут Тиуакан.

– Кто он?

– Он начальник гарнизона и посол императора Монтесумы. Он сам и его люди прибыли из ацтекского города Теночтитлан, – пояснила женщина. – Его отправил грозный владыка и император Монтесума. Они знают, что ты идешь в их сторону, и хотели бы, чтобы ты туда не шел.

Выслушав перевод Малинче, Кортес ответил:

– Слова вашего владыки для меня ничего не значат. Даже если он грозный... У меня свой сеньор, император Карл Пятый, а кроме того, я волен ходить туда, куда мне вздумается. Ваша столица большая?

Малинче тотчас перевела вопрос. Выслушав ее, посол улыбнулся и заговорил, с важным видом приподняв подбородок:

– Он сказал, что не только большая, но еще и очень красивая.

– Спроси у него, сколько там жителей
Малинче перевела.

Тиуакан говорил долго, он то размахивал руками, а то вдруг сцеплял пальцы в замок и показывал на своих людей, почтительно склонявших головы.

Наконец Малинче заговорила:

– Он сказал, что в городе людей так много, что если их всех выстроить в ряд, то они протянутся от одного моря до другого.

– Ишь ты, – хмыкнул Кортес. – Таким количеством нас не запугать, у нас есть мортиры. Впрочем, что это такое, он пока не знает.

– Наш владыка хотел бы преподнести тебе дары.

Выслушав слова переводчицы, Эрнан Кортес с интересом посмотрел на вельможу, что-то коротко сказавшего своим слугам.

– Хм, интересно взглянуть.

Удивить Кортеса было трудно. За то время, пока командор пробыл в Новом Свете, он успел повидать немало: одежду, сплетенную из золотых нитей, городские статуи, украшенные драгоценными камнями. Что же будет на этот раз?

Через минуту шесть ацтеков затащили в шатер три больших сундука из кожи. Открыв первый, вельможа вытащил из него накидку, сшитую из перьев и украшенную драгоценными камнями.

– Это накидка нашего императора Монтесумы.

Возможно, что для ацтекского правителя такая накидка была несравненной ценностью; возможно, что одеяние индейского дикаря было столь же священно, как для христиан – щепка из Гроба Господня; Эрнан Кортес даже не исключал того, что она была снята с плеч императора. Но для европейца, привыкшего к совершенно другой одежде, она не представляла интереса. Единственное место, куда ее можно приспособить, так это повесить вместо занавеси у входа, чтобы трепыханье чувствительных к ветру перьев отпугивало надоедливых мух и гнуса.

Расценив мимику капитана Эрнана Кортеса по-своему, Тиуакан добавил:

– Накидка императора священна. К ней не может прикасаться никто из смертных под страхом смерти. Но для тебя, чужестранец, император сделал исключение и подарил ее.

Услышав перевод, Кортес лишь хмыкнул: у европейца столь сомнительный подарок вызовет лишь снисходительную улыбку. Однако следовало дать понять, что он несказанно рад такому подношению.

– Переведи ему вот что... Я очень ценю подарок вашего императора, – с самым серьезным видом произнес капитан.

Услышав перевод, сановник что-то произнес, низко поклонившись. Малинче перевела:

– Вельможа сказал, что вы можете надеть накидку прямо сейчас.

Испанские бароны, стоявшие рядом с Кортесом, сдержанно улыбнулись. Сказанное походило на хорошую шутку. Видно, ацтекский правитель с хорошим чувством юмора. Однако по строгому выражению, с которым вельможа смотрел на Кортеса, было понятно, что к сказанному он относился серьезно.

– Ну-ка, набросьте мне эту шкуру на плечи, – пожелал Кортес.

Два рыцаря аккуратно надели накидку на плечи Кортесу, повязав края узлом, и ацтеки, стоявшие рядом, в смиренности упали на колени. Капитан прошелся по лагерю, вызывая улыбки матросов и конкистадоров, а потом распорядился:

– А теперь снимите с меня этот шутовский наряд, не разгуливать же мне в нем до самого вечера.

Так же осторожно рыцари развязали накидку и, сняв ее с плеч командора, положили на сундук, стоявший здесь же в шатре.

– Переведи ему, – обратился командор к Малинче, – что я очень ценю этот подарок и решил его поберечь.

Услышав ответ, Тиуакан понимающе закивал:

– Наш владыка дарит вам золото. Он знает, что чужеземцы его очень любят, говорят, что оно нужно им для того, чтобы лечить внутренние болезни. В нашей империи его много, так что золота хватит для всех.

При этих словах двое ацтеков пододвинули к Кортесу громоздкий сундук, до самого верха наполненный золотом, из которого были изготовлены статуэтки зверей, птиц, змей. Многие изделия были украшены драгоценными камнями и представляли собой совершенные произведения искусства. Реалистичные, с оскаленными зубами, выполненные в виде черепов, они вселяли мистический страх во всякого, кто их лицезрел. Было件нятно, что все эти изделия изготавливали талантливые люди.

В новых испанских владениях Эрнан Кортес повидал много интересного. Приходилось встречать статуи, украшенные драгоценными камнями, а однажды в парковой зоне он даже прошелся по дорожке, выложенной золотыми плитами. Однако ни у кого из аборигенов не возникало даже мысли отковырять кусок благородного металла. А все потому, что золото для туземцев имело иную, чем для европейца, ценность. Но сейчас при виде такого количества золота стоимостью многие тысячи пиастров глаза конкистадора вспыхнули лихорадочным блеском.

– И это все... королю? – с придыханием спросил Кортес.

– Да. Это вашему императору, – перевела Малинче.

– А это наш самый главный подарок, – произнес посол.

Индейцы пододвинули третий сундук и аккуратно вытащили из него человеческий череп, сделанный из куса горного хрусталя, и поставили на землю.

– Он принесет тебе удачу.

Огромные рубины, вставленные вместо глаз, вспыхнули багровым светом и, казалось, хотели разглядеть, что прячется на темной стороне души конкистадора.

Эрнан Кортес невольно нахмурился: божку удалось разгадать его в полной мере.

– Кажется, этот череп на меня за что-то сердит, – насупившись, произнес он.

Малинче перевела. Беспристрастное лицо индейца дрогнуло в чуть заметной улыбке:

– Наоборот. Это означает, что он принял тебя как своего хозяина. Теперь он твой. Это подарок нашего великого императора. Идол защитит тебя от всех опасностей. Если ты его сейчас не уронишь...

Командор Кортес внимательно посмотрел на хрустальный череп. Теперь глаза божка показались ему не столь суровыми. Кажется, он сумел найти с ним общий язык. Если разобраться, то у него с ним было много общего: оба привыкли повелевать людьми. Не считаясь с жертвами.

Кортес взял божка в руки и к своему немалому удивлению почувствовал на своих ладонях тепло, исходящее от его гладкой поверхности. В этот момент, держа идола в ладонях, капитан Кортес осознал значимость подарка. От него, намоленного многими поколениями жрецов, исходила какая-то мистическая сила, которая, казалось, прожигала кожу на ладонях, заставляя Кортеса отпустить череп, и ему пришлось, крепко стиснув зубы, проявить волю, чтобы удержать дар. Вскоре командор почувствовал, что жар ослабевает, а потом тепло сделалось приятным. Эрнан прошел испытание. Языческий бог принял его всецело и теперь стоял на его защите. А с его помощью он сумеет не только уцелеть среди враждебных племен дикарей, но завоевать их богопротивное государство. И когда-нибудь этому божку отыщется среди фамильных реликвий достойное место.

– Как его зовут? – спросил Кортес.

– Это бог огня, – ответил индеец. – Он будет полезен такому великому воину, как ты. Этот бог способен на многое, он может сделать обычного солдата военачальником, а военачальника – великим полководцем, доблесть которого переживет века.

– О да, теперь я понимаю. Ваш бог попал в надежные руки. Обещаю, что скучать со мной ему не придется.

– Он признал тебя, – произнес посол. – Иначе ты не сумел бы удержать его в руках. Никому из нас сделать это было не под силу.

Капитан Эрнан Кортес осознал, что ему никогда и ничего так сильно не хотелось, как в этот раз, – заполучить языческого бога. Они нашли друг друга: два разбойника, два непримиримых воина. И если им суждено погибнуть, так только вместе. Предложи сейчас конкистадору поменять целый караван лам, груженных золотом, на хрустальный череп с рубиновыми глазами, он с негодованием отверг бы подобную сделку.

Аккуратно поставив подарок на раскладной стол, Кортес сказал:

– Передайте своему владыке, что я чрезвычайно польщен тем уважением, которое он мне оказывает.

– Наш великий владыка сказал, что вы получите еще три сундука с золотом, если не войдете в город Теночтитлан.

За пятнадцать лет пребывания в Новом Свете Эрнан Кортес сумел научиться азам дипломатии. Иногда приходится говорить одно, подразумевая при этом совершенно другое, а в памяти приходится держать третье. И чем шире улыбка, тем искуснее дипломат, тем больше возможности перехитрить даже самого искусного собеседника.

Выждав паузу, капитан заговорил:

– Передайте своему владыке, что я люблю путешествовать и специально прибыл из Старого Света, из Испании, чтобы полюбоваться его государством. Что же, я должен лишать себя подобной радости? Когда я вернусь домой, то должен буду рассказать своему королю: что я видел, что я слышал, о чем говорят люди в дальних землях. – Широко улыбающийся Кортес источал обаяние.

В действительности подразумевалось нечто противоположное: я прибыл из-за моря к вашему государству, чтобы бросить его к ногам испанского короля. И если вы с этим не согласитесь, то мне придется пройти по вашим землям огнем и мечом!

Некоторое время ацтеки о чем-то негромко переговаривались, осмысливая услышанное. Затем вельможа Тиуакан, приложив к груди ладонь, вновь заговорил:

– Великий владыка Монтесума готов выплачивать вам дары ежегодно, если вы не войдете в его город, – произнес он после короткой паузы.

Возможно, что ацтеки были не самыми искусными дипломатами, но торговаться они все-таки умели.

– Малинче, переведи ему вот что... – сказал конкистадор женщине, с готовностью наклонившей к нему голову. – Мне бы не хотелось лишать себя радости увидеть вашу прекрасную столицу. – С лица Кортеса не сходила приветливая улыбка. – Ваш великий владыка Монтесума оказал мне любезность и преподнес богатые дары. В ответ я хочу подарить ему тоже что-нибудь особенное.

Действительность подразумевала: «Я желаю войти в ваш город, несмотря на все просьбы. Я не нуждался в жалких подачках, что вы мне дали. Я собираюсь заполучить не только город, но и все то, что он вмещает: золото, драгоценные камни, руды, рабов».

Послы переглянулись.

– А теперь прошу, оставьте меня, сеньоры; я устал с дороги и хочу отдохнуть.

* * *

В огромный тронный зал через высокие и узкие окна, уходящие под самый потолок, проникало солнце, заливая светом мозаичный пол и высокий деревянный трон из черного дерева, на котором в накидке, завязанной узлом на плече, сидел император ацтеков. Перед ним, выражая почтение, в полупоклоне стоял вернувшийся от Кортеса посол.

– Ты в точности передал мои слова? – нахмурился император.

– Да, великий владыка, – ответил Тиуакан. – Я несколько раз приходил в его лагерь, но он все время заявлял, что хочет войти в город со своими солдатами.

– Что еще он говорил?

– Сказал, что много слышал о нашей столице, что повсюду говорят, будто бы Теночтитлан самый красивый город на Земле.

– А что ты ему ответил?

– Я сказал, что наш город – это пышное и прекрасное дерево, которому нет равных на свете. Что он так же прекрасен, как камень жадеит. Великий владыка, я не мог солгать.

– Я тебя понимаю... Значит, он придет, чтобы лично убедиться в этом. Он спрашивал, сколько в нашем городе жителей?

– Да.

– Что же ты ответил?

– Что в лесах нет столько животных, сколько в городе жителей.

– Чужеземцы не знают короткой дороги в наш город и будут здесь не скоро. Тиуакан, подкупи соседние племена. Дай им все, что они попросят: шерстяные ткани, золото... Отряд чужестранцев не должен войти в наш город! Пусть они перекроют им прямую дорогу, оттеснят отряд в джунгли и там уничтожат его. Если чужеземцы не погибнут в джунглях от ядовитых стрел, так умрут от болезней, а лучше, если бы их сожрали голодные аллигаторы!

– Я сделаю все, что в моих силах, великий владыка, – с готовностью ответил Тиуакан.

Глава 4

Теперь уже не спросишь

Неделю назад в Староконюшенном переулке заточкой в сердце был убит сторож «Стройинвеста» Иван Петрович Кочергин. На первый взгляд, банальнейшее убийство, какие в таком крупном городе, как Москва, происходят едва ли не ежедневно. И все-таки в произошедшем было немало странностей, в которых предстояло серьезно разобраться.

В результате расследования были выявлены трое подозреваемых. Наиболее очевидный фигурант – Владлен Лозовский. Двое других, со слов случайных свидетелей, гнались за ним.

Составив психологический портрет Владлена Лозовского, майор Илья Никольский понимал, что тот вряд ли мог оказаться убийцей: окончил университет, профессионально занимается кладоискательством. Ну совершенно не тот типаж, чтобы таскать с собой заточку, а уж тем более пускать ее в дело! Так мог поступить только человек, прошедший тюремную школу, профессиональный убийца, для которого чужая жизнь – все равно что гнутый пятак. Остается предположить, что киллер – кто-то из тех двоих.

Но каким же образом все трое оказались подле убитого сторожа, охранявшего пустынный дом? Может быть, они втроем искали в доме нечто ценное? Переругавшись, они, видимо, решили устранить кладоискателя, но тот оказался прытким малым и бросился наутек по Староконюшенному переулку.

Впрочем, существует еще и вторая версия. Не исключено, что Владлен Лозовский оказался в охраняемом доме в тот самый момент, когда произошло убийство сторожа, и стал нечаянным очевидцем случившегося. Вот они и решили его устранить.

В этом деле вырисовывается еще одна любопытная деталь. Убитый сторож состоял в личной охране генерального директора Мурата Курбанова, одного из крупнейших акционеров «УралСибНефти», застреленного несколько месяцев назад из снайперской винтовки. Причем это не последняя смерть служащих «УралСибНефти», – несколько дней назад в своем загородном доме был убит еще один акционер, Георгий Лаврентьев. По оперативной информации, оба они не ладили с Михаилом Пономаревым, – главой компании «УралСибНефть», занимавшимся поставками нефти в Западную Европу. А ведь дом в Староконюшенном переулке был куплен Пономаревым и планировался использоваться под офис своей фирмы.

Илья чувствовал, что правда находится где-то рядом, оставалось лишь поглубже копнуть.

Аккуратно пролистав листы дела, Никольский сунул его в стол. В пятнадцать часов он назначил встречу Владлену Лозовскому, который должен будет ответить ему на вопрос: что именно он искал в доме в Староконюшенном переулке.

Прозвеневший звонок прервал его размышления. Подняв трубку, Никольский ответил:

– Слушаю.

– Вас беспокоит майор Федосеев, из ФСБ.

Никольский нахмурился: к чему бы это? Майора Федосеева он знал по совместной работе. Год назад он вместе со своей группой был передан в его отдел на усиление, когда был застрелен один из руководителей Национального банка. Причем банкир был убит за день до того, как должен был подписать договор о сотрудничестве с немецким концерном на сумму в два миллиарда евро. Планировалось, что Германия будет участвовать в строительстве крупного металлургического завода на Южном Урале. Поначалу дело воспринималось как криминальное, но вскоре приобрело политический подтекст: в результате убийства проект был заморожен, а Россия понесла огромные экономические убытки. Материалы следственных мероприятий по распоряжению начальства Илья передал майору Федосееву. Чем завершилось это дело, Никольский не знал, а спрашивать у Федосеева не считал нужным – не такие у них были отношения, чтобы откровенничать.

Но почему он позвонил в этот раз? Неужели дело еще не завершено?

– Да, товарищ майор, слушаю.

– Илья, давай без официоза, договорились?

– Хорошо, Марк. Что там случилось?

– Ты слышал что-нибудь о Владлене Лозовском?

Майор Никольский невольно напрягся:

– Да. В деле, которое я сейчас веду, он один из главных подозреваемых в убийстве.

– Вот даже как.

– Сегодня он должен прибыть ко мне на допрос в три часа дня.

– Похоже, что ты его не дождешься.

– Почему?

– Сегодня я прибыл на место взрыва, а там лежат два покойника; у одного из них обнаружился паспорт на имя Владлена Рувимовича Лозовского.

– Вот так новость! – опешил майор. Все-таки они его достали. – Признаюсь, не ожидал.

Но как ты вышел на меня?

– В его паспорте оказалась твоя визитка.

– Теперь понятно. Но это точно он? – невольно понизил голос Никольский. – Может, кто-то другой? Знаешь, как это иногда случается...

– Лицо его обезображено, узнать будет непросто. Его нужно привести в порядок. Ты не знаешь, чем он конкретно занимался? Почему в своем доме хранил пять килограммов тротила?

– Даже так?.. Это для меня новость. Мне он представлялся вполне мирным. Занимался кладоискательством и прочей чепухой...

– Кладоискательством, говоришь, – задумчиво протянул Федосеев.

– Именно так. У них создан клуб кладоискателей; так вот, он был одним из самых его активных участников.

– Если он был кладоискателем, тогда что же ему мешает быть «трофейщиком»?

– Это кто еще такие?

– Знаешь, в наше время есть места, где до сих пор со Второй мировой войны осталось немало неразорвавшихся мин и снарядов. И вот «трофейщики» разыскивают такие мины, выковыривают из них тротил, а потом продают его.

– Где же есть такие места?

– Например, в Киришах, это под Петербургом. Своеобразная Мекка для разного рода «трофейщиков», «черных следопытов», «падальщиков»... Мины там до сих пор на поверхности лежат. Но меня здесь смущает другое. Тротил Лозовский готовил не на продажу; тот лежал у него в сейфе, где он и установил растяжку. Люди погибли в тот самый момент, когда открылась эта дверца. Следовательно, он знал, что за ним ведется какая-то охота. Получается, что таким образом он хотел избавиться от преследователей, да вот не рассчитал и погиб сам.

– Выходит, что так...

– Мне кажется, что он нашел нечто очень ценное, из-за чего за ним началась настоящая охота. Ты мог бы хотя бы предположить, что именно он мог найти?

– Честно говоря, я просто теряюсь в догадках; но если он действительно мертв, то теперь этого у него не спросишь.

– Понятно... Ладно, будем держать связь.

– Договорились, – отозвался Никольский и в задумчивости положил трубку.

Глава 5

1519 год. Город Тлашкала. Визит императора

В Тлашкалу капитан Эрнан Кортес вошел поздним вечером.

Конный вооруженный испанский отряд с рыцарями во главе выехал на многолюдную базарную площадь, где возвышалась высокая пирамида, насчитывающая пятьсот ступеней, уходящих к самому центру. На вершине находились шестеро жрецов с перемазанными сажей лицами. Длинные нечесанные волосы повязаны кожаными лентами. У подножья пирамид на деревянных подставках стояли человеческие черепа. Их было много. Очень много! Двое жрецов в черных одеждах, перепачканных кровью, деловито раскладывали на ступенях внутренности, а третий служитель – с большим шрамом на левой скуле – раздувал очаг, чтобы преподнести их в дар кровожадному богу.

Кортес, в общем-то привыкший к крови, не выдержал ужасного зрелища и сосредоточил взгляд на многолюдном рынке. Продавцы, спрятавшись под навесы, продавали с небольших лотков соль, крупы. Носильщики с торбами за плечами и закрепленными на лбу ремнями разносили товар. Отдельно стояли женщины для утех; их можно было узнать по ярко накрашенным лицам, а еще с какой небрежностью они задирали на коленях юбки. Обыкновенная жизнь большого города. Такая встречается и в Испании.

Правитель Тлашкалы царь Оакан, находящийся с ацтеками в состоянии войны, разрешил отряду испанцев не только пройти через их земли, но и дал в сопровождение несколько тысяч человек. Оставалось только произвести впечатление на послов Монтесумы, прибывших также в город, чтобы поторопить «владыку людей» принять выдвигаемые условия о сдаче своей столицы.

Присутствовать на предстоящих переговорах царь Оакан не пожелал, но пообещал выделить для них небольшое помещение в своем дворце.

Эрнан Кортес вместе с Малинче ехали в карете; кованые обода слегка постукивали по каменным плитам, привлекая внимание индейцев.

Уже приблизившись ко дворцу, в котором располагался испанский отряд, Кортес заметил группу людей из двадцати человек, среди которых богатыми ожерельями из цветных камней и шерстяными накидками (их могли позволить себе только состоятельные люди) выделались шесть человек: это были послы «владыки людей Монтесумы Второго».

– Ты сделала то, о чем я тебя просил? – спросил Кортес, повернувшись к Малинче.

– Да, командор Кортес, – ответила Малинче. – Я сделала все что нужно. Каждое произнесенное слово будет убедительным. Хотя я думаю, что Монтесума и так уже представляет, с каким человеком он имеет дело.

– Что ты думаешь об индейцах, которые тащатся за нашим обозом?

– Все те индейцы, что следуют за нашим обозом и представляются торговцами, в действительности большие хитрецы и искусные шпионы, – объявила Малинче. – Они докладывают своему «гневному владыке» о каждом нашем шаге. Один из этих торговцев – первоклассный художник. Он нарисовал наших людей, наши ружья, наши пушки и наших солдат во всем вооружении. Вы будете удивлены, командор, но среди этих рисунков я видела и ваш портрет. Так что Монтесума представляет, как вы выглядите.

– Как тебе удалось заглянуть в его рисунки? – удивился Эрнан.

– Пока один из моих людей отвлекал художника торговлей, я осмотрела его багаж.

– Хитро! Что ж, в таком случае надеюсь, что мои слова будут убедительны.

Слуги царя Оакана отвели капитана Кортеса и сопровождавших его людей в просторный зал, по углам которого стояли статуи пернатого койота. Возможно, в скульптурах был какой-

то сакральный смысл, но Кортеса интересовал только стул, сидя на котором можно было вести переговоры.

– Малинче, сейчас подойдут послы, подбери мне во дворце какой-нибудь подходящий стул для обстоятельного разговора, чтобы я не выглядел идиотом, – распорядился капитан.

– Хорошо, командор, – поклонилась женщина.

Вскоре Кортесу принесли кресло с высокой спинкой, на вершине которой был изображен бог с широким лицом и страшными безобразными глазами. Взирать на такое впечатляющее страшилище не было желания, но верилось, что Малинче знает, что делает.

Взор услаждал висячий сад, устроенный в углу помещения, освещенный через потолок потоком дневного света. В центре комнаты размещался большой бассейн с экзотическими разноцветными рыбами.

Устроившись в кресле, Кортес повелел позвать послов.

В комнату, ступая рядком, видно, сообразно установленной иерархии, вошли послы, за ними, сгибаясь под тяжестью сундуков с дарами, вошли слуги. Когда к ногам командора были поставлены подношения, заговорил посол в длинной цветной накидке, вошедший первым. Некоторое время над сводами звучал его высокий голос, затем он неожиданно умолк и посмотрел на Малинче.

– Этот человек представился правой рукой императора, его зовут Ахаякатль, – произнесла переводчица. – Он сказал, что император оставляет вам эти дары, но взамен просит повернуть назад и не вести никаких дел с врагами ацтеков.

– Он много от меня хочет, – буркнул Эрнан. – Скажи ему вот что... Я так долго добирался до его города, столько людей потерял во время перехода, в сельве, и когда его город остался всего лишь в паре дней пути, он вдруг хочет, чтобы я повернул обратно. Переведи ему вот еще что: мои люди не одобряют такого решения. Пусть император знает, что с ним ничего не случится и я буду рад нашей встрече. А дары... пусть послы забирают с собой.

Выслушав ответ, посол проговорил:

– Мы не забираем того, что уже подарено, тем более что это приказ нашего господина.

– Вот что, господа послы, мое решение окончательное. Я бы хотел войти в ваш город и обнять вашего владыку, как брата. А сейчас я вам что-то покажу. Давайте я вас провожу до крыльца.

Лицо Ахаякатля напряглось, но уже в следующее мгновение губы растянулись в любезной улыбке:

– Это будет большая честь для нас.

Вышли из дворца прямо в большой ухоженный парк, засаженный кофейными деревцами. Невысокие, всего-то в два человеческих роста, они были усыпаны плодами. Здесь же небольшой пруд, где плескалось семейство уток. По обе стороны от входа стояли две статуи, высеченные из базальта, тела которых обвивали змеи. Поодаль установлены три пушки, подле них – оружейники с зажженными факелами.

– Как далеко летают ваши копья? – неожиданно спросил Эрнан Кортес, строго посмотрев на посла.

– Некоторые наши воины способны метнуть копьё до дальнего дерева, – с гордостью вымолвил Ахаякатль, показав на палисандр, разросшийся в середине сада.

– А способно ли такое копьё убить воина, спрятавшегося за щитом?

Для того чтобы стать вельможей, одного благородного происхождения недостаточно, подобает проявить себя на поле брани многими победами. Только в этом случае он может рассчитывать на признание соплеменников. Даже сам великий император Монтесума восемнадцать раз побеждал в поединках во время ритуальных войн, причем каждое из сражений могло стать для него последним. Вряд ли он потерпел бы в своем окружении аристократа, не отличившегося доблестью в войне.

– Копье легко может пробить щит и даже поранить воина, – с некоторым пафосом произнес вельможа.

– Это еще попасть нужно, – буркнул командор. – Зато мое оружие может стрелять куда дальше и способно уничтожить сразу двадцать человек.

Ахаякатль недоверчиво посмотрел на Кортеса. «Этот чужеземец невероятный хвастун!»

– Видишь ту поляну, где растет жакаранда?

У самого горизонта росло несколько деревьев, распустившихся фиолетовым цветом.

Сановник едва заметно кивнул.

– Так вот, мои снаряды долетят не только до этих деревьев, но еще изрядно попортят кроны.

Губы аристократа тронула недоверчивая улыбка. Он уже был наслышан о том, что чужеземцы на поле брани поступают как настоящие трусы и могут набрасываться на одного воина даже по несколько человек, но он никак не думал, что они еще и бахвалы. Даже орел не способен долететь до конца поля, не сбив при этом дыхания, а брошенное копье не пролетит и четверть пути.

– Мне бы хотелось это увидеть, – сдержанно высказался Ахаякатль. – И то, что я увижу, непременно передам нашему правителю.

– Уж будь добр, передай!

Сановник широко улыбнулся, подумав о том, как он вместе с императором будет смеяться над хвастовством чужеземца. По этому поводу можно будет сочинить стих и прочитать его на ближайшем религиозном празднике, пусть собравшийся народ посмеется над откровенной похвальбой чужеземцев.

– Мы ждем, – перевела ответ Ахаякатля Малинче.

– Скажи ему, что они не только увидят наши снаряды, но еще и услышат, как они летят, – хмыкнул командор Кортес. – Пли!

Пушки слаженно подожгли порох, и огромные чугунные мортиры высотой в рост человека, с грохотом содрогнувшись, разом выстрелили. Выпущенные ядра, снаряженные взрывчаткой, ударившись о вершины деревьев, взорвались, разбрасывая во все стороны смертоносную начинку. Фиолетовый цвет, слетев с деревьев, мгновенно укрыл землю, будто ковром.

Ахаякатль стоял оглушенный, не в силах проронить даже слово. Он вдруг осознал, что стоит в одиночестве, а сопровождавшие его сановники с перепуга попадали в обморок и теперь с расшибленными лбами катались по земле.

Чужестранец, взявшись за бока, громко смеялся, а Ахаякатль продолжал стоять с помертвевшим лицом.

– Это и будет мой привет твоему господину. Обязательно передай ему, что скоро я появлюсь в его доме.

Перешагнув через распластанное на земле тело слуги, Ахаякатль зашагал по тропе, увлекая за собой растерянную свиту.

* * *

Ацтекский столичный город Теночтитлан со стороны представлял впечатляющее зрелище. Он был не просто большим (даже по европейским меркам), он был огромным! Башни с храмами, возвышающиеся на площадях, буквально подпирали небесный свод. Даже Рим, с его населением в сто тысяч человек, по сравнению с ацтекским городом выглядел всего-то захудалым поселением.

Испанский отряд, облаченный в железо с головы до ног, выстроившись в строгом боевом порядке, где в числе первых на высоком коне ехал командор Эрнан Кортес, с флагами в руках и тяжелыми алебардами на плечах, торжествующе сверкавшими на солнце, спустился по хорошо

укатанной дороге к столице. Железо угрожающе брэнчало, а ноги, закованные в броню, поднимали по дороге густую пыль.

Эрнан Кортес, подняв забрало, посмотрел по сторонам, на возвышающиеся над городом пирамиды, на дома, рассыпанные в низинах и на склонах, на людей, выбежавших на дамбу, чтобы получше рассмотреть чужаков.

Рядом с Кортесом, отступая от него на полшага, также на лошади, ехал проповедник Берналь Костилю. Он прибыл в Новую Испанию восемь лет назад, чтобы нести слово Божье в языческие народы. Его корабль на подходе к землям Мешико потерпел крушение, и Костилю, оставшийся в живых единственным из всей команды, был подобран племенем майя, среди них он прожил шесть лет.

Повернув голову к Кортесу, сделавшись вдруг неожиданно торжественным, проповедник произнес:

– Капитан, я в своей жизни не видел ничего подобного. Такое зрелище можно лицезреть только во сне.

Командор попридержал коня, желая получше рассмотреть ступенчатую пирамиду, вздымающуюся в самом центре города.

– Не могу поверить собственным глазам, что такое возможно, – отозвался он столь же удивленно, как и проповедник. – Причем все эти каналы, храмы, башни сделали какие-то дикари, которые даже не упоминаются в Библии. Поверь мне, Берналь, не пройдет и года, как этот город со всем его великолепием будет принадлежать нам.

На вздернутом подбородке конкистадора отчетливо вырисовывался багровый шрам, полученный в недавней стычке с отрядом ацтеков.

Уже проезжая мимо зверинца, раскинувшегося близ центрального парка, Кортес увидел, как в одной из клеток огромный ягуар раздирает обезглавленное человеческое тело.

– Что за дьявол?! – невольно воскликнул Кортес, попридержав коня. – Они кормят людьми животных?

Берналь лишь усмехнулся:

– Я вижу, командор, у вас слабые нервы, и очень хорошо, что вы не оказались здесь вчера, когда состоялось жертвоприношение богу солнца. Эти жрецы настолько наловчились в своем гнусном ремесле, что специальными обсидиановыми ножами вырезают из груди пленников сердца. Толпе они показывают дымящееся сердце еще до того, как жертвы умрут, а потом кидают сердце прямо в морду идолу.

– Для чего они это делают? – не сумев сдержать омерзения, вскричал Кортес.

– По их убеждению, человеческие сердца и человеческая кровь нужны богу для устройства мира. Для того чтобы солнце продолжало свой путь, чтобы луна не упала на землю, а звезды не осыпались. Тела для них не представляют никакого интереса, а потому они скармливают их животным или...

– Съедают сами? – в ужасе продолжил Эрнан Кортес.

– Именно так. Боже мой, вы побледнели! Я никак не полагал, что вы такой чувствительный.

– Они отстроили большие города, но совершенно не представляют, что такое мораль.

– Вот здесь вы глубоко ошибаетесь, командор. Их мораль не менее высока, чем у аристократов Испании. Они почитают своих господ, на первом месте у них личная доблесть, а на поле брани никто из них не ударит противника в спину, и уж тем более они не станут нападать на врага вдвоем, а то и втроем, как это принято в наших армиях.

– Они что, будут дожидаться, пока враг уколошит их солдата, так, что ли? – зло спросил Кортес.

Зверинец остался далеко позади, но запах человеческой крови продолжал преследовать. Казалось, что им пропиталась вся его одежда, все окружающее пространство, включая листья

на деревьях, даже придорожные камни источали скверный запах. А может, так оно и было в действительности.

– Война у ацтеков – это в первую очередь поединки с врагом, кто-то третий не имеет права вмешиваться в их своеобразную дуэль. По-другому это называется доблесть. Если одного убивают, тогда на его место становится другой.

– Чертовы язычники! У них все не так, как предписано христовыми заповедями! Невозможно понять, где доблесть, а где безрассудство и откровенная глупость.

– Даже когда они побеждают, то не убивают своего противника, а пленяют его, чтобы потом принести в жертву. Причем победивший воин должен сказать своему пленнику: «Он мне как любимый сын». А тот непременно должен ответить: «Он мне как любимый отец». И знаете, как называются эти ритуальные войны?

– Даже не представляю. Какое-нибудь гнусное название.

– Вы опять не правы, дорогой Эрнан. Они называются цветочные войны!

– Однако! Эти дикари весьма романтичны, если каннибализм называют цветами.

– Вы зря насмехаетесь. В их государстве весьма развита поэзия, а ацтекский император не лишен поэтического дара. Он вообще покровительствует деятелям искусств.

– Вы говорите так, как будто бы речь идет о просвещенной Европе, а не о каких-то дикарях, одетых в кушаки и перьевые накидки.

– Все мы дети божьи. Среди них немало заблудших, и наша задача – наставлять их на путь истины. А по поводу их дремучести вы явно погорячились. Вот скажите мне, где в Европе вы видели храмы, которые больше этих пирамид? – показал священник перстом на огромное строение с высокими ступенями, уходящими в небо. – И народу в этом городе будет раза в два больше, чем в Риме.

Более честолюбивого человека, чем Эрнан Кортес, проповедник не встречал за всю свою жизнь. Ради воплощения своих честолюбивых планов тот готов был пожертвовать как собственной жизнью, так и вверенным ему экспедиционным корпусом. В Испанию капитан полагал вернуться триумфатором, рассчитывая быть обласканным при дворе, а для этого ему нужно было завоевать столицу ацтеков Теночтитлан и всю Мексику. И надо признать, он был близок к этой цели.

– Надеюсь, что так оно и будет.

– Мы сотрем эту чертовую варварскую религию в порошок, а на этом гнойном капище водрузим крест!

Ацтеки робко выходили из своих жилищ, наблюдали за приближающимся отрядом – кто с любопытством, а кто с откровенным страхом. Неужели сбылось пророчество императора Монтесумы про Пернатого змея, о котором он недавно говорил во всеулышание с балкона дворца?

На дамбу, соединявшую город с сушей, вышли сотни людей и с интересом принялись наблюдать за приближающимся военным отрядом. На озере в узких лодчонках рыбаки, застыв с сетями в руках, взирали на растянувшийся на дороге отряд. Узкие полотнища чужеземцев, будто крылья летучих мышей, трепетали на ветру. А начищенные копы сверкали на солнце так, что слепили глаза. А кони, укрытые тяжелыми длинными ткаными попонами, выглядели диковинными зверями.

Выстроившись по трое, отряд конкистадоров вошел в тенистый парк, засаженный красивыми тропическими деревьями. Вдоль узких и прямых тропинок, выложенных небольшими разноцветными плитками, росли орхидеи, источавшие тонкий аромат. В глубине парка высились деревянные резные беседки, выкрашенные в различные цвета. Через многовековые кипарисы, посаженные в стройный ряд, просматривался большой пруд, в котором плавало множество птиц.

– Однако эти дикари умеют окружать себя красотой, – признал Кортес. – Такого великолепия не встретишь даже в саду испанского короля.

– Здесь вы правы, командор, даже Венеция не столь великолепна, как этот варварский город.

Для многих, кто знал Эрнана Кортеса во времена учебы в университете, его возвышение было весьма неожиданным. Было известно, что в молодости он обладал необузданным нравом и не упускал возможности помахать шпагой на дуэлях. Во всяком случае, рана, полученная им пятнадцать лет назад от какого-то обманутого мужа, едва не стоила ему жизни и отдала его давнюю мечту отправиться в недавно открытый Новый Свет. Кто бы мог подумать, что из болезненного изнеженного юнца, который намеревался стать деревенским священником, вырастет бесстрашный конкистадор, задумавший покорить Мексику с ее многомиллионным населением.

– Этот город я преподнесу королю на золотом блюде вместе с головой их императора, – торжественно пообещал Кортес.

Вошли в густой сад, наполненный ароматами. Звучало пение птиц. Не знакомые с Библией индейцы, сами не зная того, воспроизвели на Земле райский сад.

Вдруг на тропу в окружении не менее чем двухсот сановников слуги вынесли резные носилки, украшенные золотом, внутри которых Эрнан Кортес рассмотрел правителя ацтеков. Свита императора, одетая торжественно, в накидках из цветных тканей, сообразно чину, двигалась следом. В глазах сановников Кортес заметил любопытство, замешенное на страхе.

Неожиданно прозвучала короткая команда императора. Аристократы, несшие носилки, послушно остановились и склонили головы, чтобы не встретиться с господином взглядом. И император, высокий жилистый человек, легко сошел на землю и в ожидании посмотрел на Кортеса, ехавшего на лошади.

На императоре, великом Монтесуме, был плащ, сотканный из темно-зеленых перьев каких-то диковинных тропических птиц. Причем каждое перо было вставлено в петлицу изящной тонкой паутины из золота и выложено замысловатым узором. Всмотревшись в центр накидки, можно было увидеть очертания черепа. Тело императора опоясывал широкий кушак с густой бахромой, украшенный вышивкой, в него были вплетены изумруды с рубинами. На голове шапка из длинных зеленых перьев, в основании которой были вплетены золотые пластины. На мускулистых загорелых ногах сандалии с подошвой из золота, а верхняя часть украшена драгоценными камнями, среди которых преобладали изумруды.

Потянув за поводья, Кортес придержал коня:

– Мне нужно поздороваться с этим дикарем. Кажется, он ждет от меня почтения, придется его уважить. Тем более я взял для него подарок.

Подскочивший оруженосец придержал за поводья коня, и Кортес, брэнча железом, осторожно сошел на землю.

– Вот наша встреча и состоялась.

– Теперь много зависит от вас, капитан, – сказал Берналь. – Будьте хитрым и никогда не показывайте дикарям своего истинного лица.

– Уж постараюсь... Малинче, – обратился Кортес к наложнице, ехавшей немного позади.

– Да, командор.

– Пойдешь со мной. Не отставай от меня ни на шаг. Мне важно знать каждое его слово.

– Слушаюсь, господин.

Кортес направился к императору, стоявшему в окружении вельмож, Малинче шла, отставая от него всего на полшага.

Монтесуму можно было назвать человеком красивым: мускулистый, упругий, как натянутая тетива; руки длинные, сильные, привыкшие к физическим упражнениям. Шерстяная накидка, завязанная на левом плече аккуратным узлом, спадала до самых колен. Выпуклую

мускулистую грудь украшал крупный синий камень с иероглифами. Черты лица правильные, через выпуклый широкий лоб, разделяясь надвое, шел багровый шрам, видно полученный в одном из поединков, что добавляло к облику настоящего воина еще большую мужественность.

– Здравствуй, император, – раскинув руки, произнес Кортес, надеясь заключить Монте-суму в объятия.

Отстранившись, император тотчас спрятался за спины приближенных. Двое сановников в шерстяных накидках, что-то гортанно приговаривая, тотчас встали на его пути и отвели в стороны раскинутые руки командора.

– Что они хотят? – с подозрением спросил Кортес.

Малинче, показывая радушие, улыбалась во все стороны, очевидно стараясь загладить ошибку командора.

– Успокойтесь, командор, пока они не собираются причинять нам зла. Притрагиваться к одежде императора – значит нанести ему смертельное оскорбление. Самое большее, что от вас требуется, так это быть приветливым. И все будет в порядке.

– Чертовы дикари! – показал Кортес в широкой улыбке крепкие белоснежные зубы. – Никогда не знаешь, как следует вести себя в следующую минуту.

– Сейчас самое время преподнести императору подарок; кажется, он этого ждет, – сказала переводчица. – Только не смотрите Монте-суме в глаза. С вашей стороны это может выглядеть невероятной дерзостью.

– Дьявол разберет все их традиции! Переведи, Малинче... Великий владыка, я очень рад нашей встрече. Именно таким величественным я вас и представлял, – торжественно заговорил капитан, посмотрев на напыщенного императора. – Позвольте мне в знак нашей дружбы преподнести вам этот скромный дар. – Эрнан Кортес раскрыл небольшую резную шкатулку, инкрустированную золотом, и достал ожерелье из золота, лежавшее на черной бархатной подушечке.

Выслушав перевод, император с интересом посмотрел на крупный белоснежный жемчуг. Кортес готов был поклясться, что в этот самый момент глаза императора алчно блеснули. Человека, владевшего целой империей, заинтересовали бусы, которые можно было купить в Испании едва ли не в каждой ювелирной лавке.

Бережно, как если бы опасался, что может разорвать нить, император принял подарок и что-то коротко произнес.

– Император спрашивает, где вы достали такие красивые и белые камни? – перевела Малинче. – Они выглядят как живые.

– Ответь ему, что эти камни в самом деле живые. Их обязательно нужно носить на теле, иначе они могут умереть. А сами камни были найдены в раковинах на морском дне. Скажи ему еще вот что... Это ожерелье проделало большой путь, чтобы оказаться на груди величайшего из императоров.

Малинче едва заметно улыбнулась и перевела. Оказывается, командор хороший дипломат: маленькая лесть в дипломатических вопросах никогда не повредит.

Монте-сума что-то сказал стоявшим подле него вельможам. Один из них взял из его рук ожерелье и, аккуратно приложив к императорской шее, бережно застегнул миниатюрный золотой замок.

Император приподнял голову, выглядел он торжественно. Высокий головной убор, четыре фута высотой, составленный из зеленых перьев кетцаля, синих перьев котинги и золотых пластин, обрамляющих основание каждого пера, делал его особенно патетичным. Легкий ветерок трепал длинные перья. В самом центре головного убора Кортес рассмотрел крупный изумруд идеально глубинного цвета и необыкновенной прозрачности, ограненный строго по форме, заданной ему природой. Капитан невольно сглотнул: такой необыкновенный камень в Европе мог стоить целое состояние. Скорее всего, этот дикарь даже не представляет ценности

своего убранства. Перо какой-нибудь разноцветной птицы для него значит куда больше, чем изысканный самоцвет.

Император что-то произнес, притронувшись к амулету, висевшему на груди, и в ожидании перевода посмотрел на Малинче. Она коротко ответила, поклонившись, а потом повернулась к Эрнану Кортесу:

– Господин, император говорит, что очень растроган поднесенным даром и теперь будет носить его вместе со своим священным камнем, что оберегает его от злых духов. Сейчас у него нет при себе подходящих даров, но как только он вернется во дворец, так подберет подарок, который будет достоин уважаемого гостя.

– Надеюсь, что это будет золото, а не перо какой-нибудь экзотической птицы, – буркнул командор. – Спроси у него про изумруд на шапке. Откуда он у него взялся?

Поклонившись императору, Малинче быстро перевела вопрос.

– Монтесума сказал, что этот изумруд когда-то принадлежал императору Несуалью. Этот правитель, будучи подростком, был свидетелем того, как захватчики убили его отца. Он был вынужден покинуть свою страну и два года прятался в горах, где ему подарила этот изумруд одна ведунья и сказала, что он обязательно вернет себе трон. Она предупредила его, что этот камень он должен передавать своим сыновьям. И пока этот камень будет находиться при императоре, государство не погибнет.

– Он вернул себе трон? – заинтересовался конкистадор.

– Да. Он получил помощь от ацтеков, вступил в битву с захватчиками и выиграл войну. В народе он получил известность как правитель-воин и правитель-поэт. Нередко Несуаль, переодевшись в обычное платье, ходил среди своих граждан и восстанавливал справедливость, а достойных награждал.

– Вот оно что... Малинче, скажи ему, что мы покорены красотой его столицы. Она необыкновенно хороша. Эти язычники явно обладают научными знаниями и ремеслами. Скажи ему еще вот что... город впечатлил своим величием и размахом. Таких прямых и аккуратных улиц в Европе не встретишь.

Похвала чужестранца была приятна: губы императора вдруг разошлись в широкой улыбке, и он ответил, показав на огромное здание в центре города.

– Монтесума ответил, что город действительно очень красив, и видит в нас своих добрых и желанных гостей. Он сказал, что мы можем находиться в городе столько, сколько нам заблагорассудится.

– Переведи ему вот что... Я буду здесь столько, сколько мне потребуется для осуществления моих планов. И для этого мне не нужно разрешение какого-то дикаря, – проговорил Эрнан Кортес, не убирая с лица приветливого выражения. – Впрочем, не нужно... Скажи ему вот что... Я с радостью принимаю его предложение и с удовольствием ознакомлюсь со столицей империи. Мне думается, что здесь много интересного.

Малинче быстро перевела. Император дружески улыбался.

– Пусть теперь его вельможи проводят меня во дворец и выделяют мне в нем подходящие покои, а то я чертовски устал, пока добирался до его города.

Выслушав ответ, император заговорил. Малинче некоторое время оставалась серьезной, а потом неожиданно рассмеялась.

– Чем тебя рассмешил этот дикарь?

– Он сказал, что непременно проводит нас во дворец, но сначала хотел бы посмотреть на металлические бревна, в которых прячутся грозные боги.

– Это он говорит о пушках? Я так понимаю?

– Именно. Он спрашивает, действительно ли они способны разрушить стены крепостей, если рассердятся?

Командор Эрнан Кортес показал на длинную корабельную мортиру, задрывшую чугуновый ствол кверху, и произнес:

– Это самое грозное орудие, в нем живет бог войны. И если я на кого-то сердит, то могу сказать своему богу, чтобы он наказал этого человека, и он обязательно исполнит мое поручение.

Император лишь коротко крякнул, видимо соглашаясь.

– Когда наш бог сердится, то он так громко кричит, что у всех, кто стоит рядом, просто закладывает уши, – продолжал конкистадор. – Его вопль можно услышать даже на берегу океана. Даже бог грома не так голосист, как наши пушки.

– Мне рассказывали об этом, – посмотрел Монтесума на сановника, в котором Эрнан Кортес узнал Ахаякатля.

– И если бог грома находится где-то далеко на небе и часто ему нет дела до нас, грешников, то мой бог всегда находится рядом. – Конкистадор показал на лафет, запряженный парой вороных коней. – И я могу отдать ему приказ когда угодно и следовать за мной куда угодно.

– Ты приказываешь богам? – изумленно спросил Монтесума.

– Да.

– И они тебя слушаются?

– Конечно же, слушаются, – серьезно отвечал Кортес. – Если они не будут меня слушаться, я разрушу их жилища, и тогда они все погибнут. Хочешь, я покажу тебе, император, на что они способны? Видишь то строение? – показал он на огромный храм, возвышающийся над городом. – Достаточно мне сказать своим богам «Пли!», как от него останутся только одни руины.

Малинче перевела.

Император что-то отчаянно закричал, показывая на храм. Некоторое время Малинче лишь кивала и учтиво улыбалась. Наконец, она повернулась к Кортесу.

– Что сказал этот варвар?

– Он просил не разрушать его храм. Это главное святилище его империи. Если вы желаете, то Монтесума готов преподнести в дар вашим грозным богам дюжину красивых девственниц.

– Этого еще не хватало... Скажи ему вот что... завтра он должен прийти в мое расположение, и пусть его покорность увидят все жители столицы. Если этого не случится, то мои боги разгневаются, они разрушат все храмы в городе, а его самого убьют.

Волю конкистадора император выслушал с непроницаемым лицом. Сановники, окружавшие Монтесуму, переглядываясь, зашептались о чем-то. Шестеро ацтеков, стоявших между императором и конкистадором, шагнули вперед, нацелив на Кортеса копья. В какой-то момент Эрнану показалось, что губы императора сжались, чтобы выкрикнуть короткую команду наказать чужестранца за дерзость, но в следующее мгновение он строго глянул на разволновавшихся вельмож и негромко произнес:

– Мне надо посоветоваться со жрецами.

Солдаты, опустив копья, отступили, тотчас смешавшись с толпой сановников.

– Хорошо, посоветайся... Только советую не затягивать с решением и прислушаться к собственному разуму, а не к чьим-то словам, а то мои боги могут не выдержать долгого ожидания, и я не смогу остановить их, – продолжил Кортес с суровым видом.

* * *

Капитан вместе со своим отрядом расположился в одном из дворцов императора, по одну сторону которого находился Великий храм, а по другую, растянувшись на добрую сотню футов, простирались вольеры с птицами. Их гомон не умолкал даже ночью, и Кортесу при-

шло выпить две бутылки крепкого вина, чтобы забыться и не замечать их оглушительного пения.

Жилище императора по своему убранству, почти лишенное внутренних перегородок, во многом превосходило лучшие европейские дворцы. Стены были украшены барельефами каких-то мифических персонажей, на которых были изображены звери и птицы, стены покрыты орнаментом, а по углам стояли идолы с оскаленными пастьми, вырезанные из местного кедра.

Вечером следующего дня, когда солнце начинало клониться к закату, опалив багрянцем росшие на склонах ели, император в сопровождении сотни вельмож и такого же количества стражи вышел из дворца. Впереди в черной одежде, с длинными спутанными волосами шли двое жрецов и во все стороны из высокого глинистого сосуда кропили кровью дорогу.

– Что за дьявол?! – выглянул из окна Кортес. – Что это еще за балаган? Уж не идут ли они нас поджаривать? Лейтенант!

– Да, капитан. – На окрик командора из соседней комнаты выскочил невысокого роста с аккуратной рыжеватой бородкой молодой мужчина.

– Всем тревога! Навести ружья на эту ряженую толпу. Не хватало нам сдохнуть в этой чертовой дыре под ударом жертвенного ножа.

– Да, командор!

– При малейшей опасности стрелять на поражение!

– Слушаюсь, капитан, – тотчас отозвался лейтенант и, позвякивая шпорами, вышел из комнаты.

– Вы зря беспокоитесь, командор, – миролюбиво произнесла Малинче. – Никто не собирается вас прикончить на жертвенном алтаре. Если бы ацтеки хотели, то сделали бы это значительно раньше, еще на подходе к городу. Они полагают, что вы бог, Пернатый змей или что-то в этом роде. Вот поэтому и не осмеливаются нападать.

– Что же будет, когда они все-таки поймут, что я соткан из мяса и костей?

– Советую вам не разочаровать их и убедить, что вы действительно божий человек. Вряд ли когда-нибудь ацтекские императоры приходили в дом к чужеземцу. Так что нужно его уважить и встретить у самого входа.

Звуки барабана усиливались, заставляя горожан выходить из своих жилищ навстречу шествующему императору.

Монтесума никогда не появлялся без сопровождения вельмож и многочисленной стражи, и сейчас, сомкнув вокруг него плотное кольцо, они не давали рассмотреть даже его одеяние. Чаще всего приходилось видеть лишь носилки, в которых за плотным балдахинном прятался император. Если уж очень повезет, то можно было лицезреть часть его сандалии с золотой подошвой.

В этот раз все выглядело иначе.

На Монтесуме была шерстяная накидка с вышитыми на груди орлами. На голове, отзываясь на каждое дуновение ветерка, высокая шапка из длинных перьев, украшенная золотом. В эти минуты, несмотря на свой императорский наряд, Монтесума казался доступнее прежнего: был частичкой большого города. Никто из собравшихся горожан никогда не наблюдал столь впечатляющего императорского шествия. Усиленное ритмичными ударами, оно казалось особенно зловещим. Приветствуя Монтесуму, индейцы падали ниц и вставали лишь тогда, когда процессия миновала их.

– Я никогда не видел ничего подобного, – замороженный зрелищем, произнес Кортес. – Эти дикари не перестают удивлять меня. Так даже не встречают римского папу.

– Для них Монтесума куда более значим, чем ваш святейший папа, – вмешался в разговор отец Берналь.

Кортес невольно усмехнулся:

– Святой отец, хорошо, что тебя не слышат иерархи священной инквизиции.

– Это уж точно, тогда бы я не только лишился сана, но и закончил свои дни где-нибудь на костре. Прости меня, Господи, – привычно приложил он ладонь ко лбу.

Взволнованная толпа следовала за императором, запруживая улицы. Будоража нервы, пронзительно завопила молодая женщина, на ее вопль тотчас отозвалось несколько десятков глоток.

– Черт возьми! Мне это совершенно не нравится. Если так будет продолжаться и дальше, то они нас просто сожрут. Лейтенант!

– Да, капитан.

– Надеюсь, все готово?

– Пушки наведены, прикажете палить? – охотно отозвался конкистадор.

– Жди команды! Что они говорят? – обратился Кортес к Малинче, стоявший неподвижно.

– Они говорят, что чужеземцы принудили императора явиться к ним. Другие говорят, что чужеземцев надо изгнать, пусть только император прикажет, – побледнев, проговорила переводчица, предчувствуя худшее.

– Проклятье! Пушки к бою!

Неожиданно император остановился и что-то быстро заговорил.

– Постойте! – воскликнула Малинче.

– Что еще такое? – недовольно протянул Кортес.

– Император говорит, что его никто не принуждал, что он сам идет к чужестранцам, чтобы нанести визит вежливости своим гостям. Призывает сограждан к благоразумию и повиновению.

– Этот Монтесума не так глуп, – вздохнул с облегчением капитан Кортес.

Крики стали громче. Воины-ацтеки, потрясая копьями, уже окружили императора, не давая ему пройти. Монтесума что-то громко и гневно говорил, отчаянно размахивая руками.

– Что там происходит? – посуровел Эрнан Кортес.

Подле Кортеса с напряженными лицами, крепко сжав ружья, стояли конкистадоры.

– Монтесума убеждает их успокоиться, говорит, что если мы обидим чужеземцев, то тогда Пернатый змей, что сейчас живет в логове у чужеземцев, рассердится и погубит всех ацтеков.

Гневные крики ослабли. Воины, окружившие императора, попритихли, только на противоположной стороне улицы, не желая угомониться, кто-то разъяренно кричал, неистово вскидывая копьё кверху.

– Если сейчас начнется заварушка, нам с ними просто не справиться, они нас всех передавят!

Император остановился, что-то гневно и громко прокричал, показывая рукой на Великий храм. Удары барабана, зазвучавшие ритмично и быстро, придавали его речи особый драматизм. Затем воины расступились, и Монтесума, задрав высоко подбородок, зашагал навстречу Эрнану Кортесу, стоявшему в окружении офицеров подле дворца.

– Он сумел убедить своих воинов в том, что мы ничего ему не сделаем. Что это всего лишь визит вежливости, какой он должен оказать нам, как самым почетным гостям.

Узкие переулки скоро вобрали в себя собравшихся. Многочисленная толпа поредела. Немногие оставшиеся горожане, пристроившись в хвост к императорской свите, зашагали по улице.

Приблизившись к Кортесу, император что-то коротко произнес. Жрец, вымазанный сажей, уже не выглядел зловещим. Смолкли удары барабанов. Лишь из птичьего питомника раздавался истошный крик какой-то рассерженной птицы.

– Монтесума сказал, что ты ему брат, и хотел бы на ближайшее время разделить с тобой жилище.

Осмотрев многочисленную свиту, смиренно стоявшую позади императора, Эрнан Кортес, широко улыбнувшись, произнес:

– Многовато вас будет, но ничего, разместимся. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Солдат, стоявший рядом, широко распахнул перед императором дверь, и Монтесума вошел в помещение.

Глава 6

Безопасное место

В жизни каждого кладоискателя обычно случается находка, о которой он будет вспоминать даже через десятилетия. Для одного это серебряная ложка, отрытая на бабушкином огороде, для другого – Золотая Баба, найденная в одной из пещер Южного Урала, для третьего – библиотека Ивана Грозного. Для Владлена Лозовского это было яйцо Фаберже, найденное в кладке старого дома в Староконюшенном переулке.

Большая удача всегда соседствует с огромными неприятностями. Стараясь разглядеть находку получше, он подошел к окну – и сделался невольным свидетелем убийства сторожа, охранявшего пустующее здание. В старый дом неизвестные явились для того, чтобы забрать из тайника яйцо Фаберже, а заметив в окне человека, решили избавиться от ненужного свидетеля.

Вырваться из дома в Староконюшенном переулке Лозовскому удалось лишь чудом. И теперь он вздрагивал от каждого стука в дверь, вспоминая звук пуль, свистящих над головой.

Влад понимал, что убийцы не оставят его и будут искать, пока наконец не отыщут, зная, что именно у него находится пасхальное яйцо Фаберже. Готовясь к худшему, он раздобыл тол от противотанковой мины и установил растяжку внутри сейфа в летнем домике, куда нередко приезжал с друзьями на пикник. Оставалось только ждать появления гостей.

В своих расчетах Владлен не ошибся: он был перехвачен преступниками в тот самый момент, когда выходил из дома. Его посадили в машину и потребовали, чтобы он показал место, где спрятал яйцо Фаберже. И Лозовский привез их к заминированному сейфу.

В тот самый момент, когда один из преступников открывал дверь, Владлен сумел спрятаться за печь, которая, собственно, и спасла ему жизнь, приняв на себя ударную волну. После чего он вложил свой паспорт и визитку Никольского в одежду одному из преступников. Сев в «Ниссан», на котором неизвестные довели его до Выселок, он поехал в Москву, тайно надеясь, что никто из деревенских его не заметил.

Теперь для всех он мертв. Во всяком случае, до тех самых пор, пока не откроется правда. В запасе у него оставалось несколько дней, и следовало что-то предпринять.

Чужой «Ниссан» Владлен оставил в нескольких кварталах от своего дома. Прежде чем выйти из салона, тщательно протер тряпкой те места, до которых дотрагивался. Затем посмотрелся в зеркало и, когда убедился, что на его лице нет ни царапины, вышел из автомобиля и направился к дому.

Его машина стояла на прежнем месте, едва ли не уткнувшись капотом в забор. За время его отсутствия с ней ничего не произошло: дверцы никто не вскрывал, не пытался заглянуть в багажник, кузов не поцарапан. Достав ключ от машины, он открыл багажник и вытащил из него холщовую сумку. Поколебавшись, развязал узел и вытащил яйцо Фаберже, завернутое в обыкновенную газетную бумагу.

Не удержавшись от соблазна, приподнял край газеты. На самой маковке яйца была закреплена российская императорская корона, украшенная рубинами и сапфирами. Само же эмалированное пасхальное яйцо со вставками из белого металла было установлено на золотой подставке в виде четырех ножек. По обе стороны от яйца были закреплены золотые крылья. Изделие выглядело верхом совершенства.

Полюбовавшись на произведение искусства, Владлен аккуратно завернул его, уложил в сумку и сел в машину. Затем, взяв телефон, набрал номер Людмилы. Она отозвалась тотчас, как если бы все это время караулила его у аппарата. Возможно, так оно и было в действительности.

– Где ты был?! – пронзительно воскликнула Людмила. – Что случилось? Ты когда обещал прийти?

– Вот что, Люся, давай поговорим об этом позже. Быстро собирай вещи, спускайся вниз и иди к машине. Да, еще вот что... Не забудь захватить мой загранпаспорт.

– Влад, что произошло? – Голос девушки задрожал.

– Ничего особенного. Ты только не поднимай панику... Расскажу потом. В нашу квартиру мы больше не вернемся... Во всяком случае, в ближайшее время, – добавил Владлен после паузы.

– Хорошо, я сейчас выйду.

Следующий звонок был Назару Шелестову:

– Сиди дома. Подъеду через час.

– Что-нибудь случилось?

«Они что, все сговорились, что ли?» – с раздражением подумал Лозовский.

– Расскажу при встрече.

Владлен отключил телефон и через затемненные стекла салона принялся рассматривать пустынный двор. Оно и к лучшему, что он заявился домой в рабочие часы, когда большая часть жильцов занимается своими делами. Увидеть его никто не успел; хотелось так же незаметно исчезнуть, как и прибыл.

Из подъезда, застегивая на ходу легкую серую кофточку, с черной сумкой через плечо выскочила Людмила. На первый взгляд она выглядела прежней. Вот только ускоренный шаг и наспех нанесенная косметика выдавали ее волнение. Открыв переднюю дверцу, девушка плюхнулась в кресло:

– Рассказывай, что произошло.

– Поедем к Назару, там расскажу, – ответил Лозовский, вырывая со двора.

Шелестов проживал в большом доме сталинской постройки. Открыл он не сразу. Его лицо выглядело озабоченным. Было件нятно, что за те сорок минут, что они добирались до его дома, он о многом успел подумать.

– Проходите, – пригласил Назар, широко открыв дверь. И когда Владлен с Людмилой ступили в прихожую, нетерпеливо спросил: – Что у вас произошло?

Только сейчас, оказавшись в безопасном месте, Лозовский вдруг осознал, насколько сильно он устал. Присев на диван, посмотрел на Людмилу: щеки у нее слегка порозовели, пухлые губы, сложенные бантиком, казались капризными, что невероятно шло ей, но вряд ли Люся об этом подозревала. Назар же был хмур, предполагая самое худшее.

– Кое-что произошло.

– Потеряли яйцо Фаберже? – И уже в отчаянии, не дожидаясь ответа, Шелестов продолжил: – Я так и знал! Такая вещь дается в руки только раз в жизни! Да и то не каждому. Извини меня, Владлен, но нужно быть простофилей, чтобы потерять яйцо Фаберже! Это надо же – три лимона баксов проворонить! Я же говорил, что нужно было положить его в банковскую ячейку, оттуда бы оно никуда не делось!

Сил, чтобы спорить, не оставалось. Выдохнув, Лозовский сел и устало произнес:

– Отрезать бы тебе язык за кощунственные слова. Ну, уж ладно, шепелявь дальше!.. Успокойся. Яйцо Фаберже не пропало, оно при мне, – приподнял он холщовую сумку.

– Так что там произошло, рассказывай, – Успокоившись, Назар присел рядом.

Скрипнув стулом, устроилась подле Владлена и Людмила.

Лозовский, упуская второстепенные детали, рассказал о том, как заманил грабителей в заминированную ловушку, и о том, как вложил в одежду одного из убитых свой паспорт.

Некоторое время Шелестов сидел молча, осмысливая услышанное. Новость оглушила, как реагировать на нее, Назар не знал. Для чего-то вытащил зажигалку и принялся крутить ее между пальцев. Затем, шелкнув, зажег огонь. Некоторое время он смотрел на колышающееся пламя, будто бы зачарованный, а потом глухо обронил:

– Значит, получается, что тебя как бы больше нет?

Владлен невольно усмехнулся: десятиминутный монолог был воспринят верно.

– Получается, что так.

– И что ты намерен делать?

– То, что и делал, – нужно продать яйцо Фаберже и свалить отсюда подальше! Возможно, у меня есть еще неделя. Ну, может, дней десять... За это время полиция наверняка поймет, что тот убитый – не я, и станет разыскивать меня всерьез. А я уже уеду очень далеко.

– Эту неделю тебе нужно где-то пересидеть. Может, у меня? Сам что об этом думаешь?

Владлен улыбнулся:

– Если за семь дней я тебе не надоем, тогда согласен.

– Договорились. Что будем делать?

– Нужно звонить Кощею, договариваться о встрече, а там будет видно.

Вытащив телефон, Владлен тотчас набрал нужный номер.

Глава 7

1519 год. Убийство императора

Власть Монтесумы закончилась в тот самый момент, когда он перешагнул жилище чужестранцев. Даже императорская свита перестала выказывать ему прежнее почтение. А жизнь между тем продолжалась. Рыбаки ловили рыбу, купцы продавали привезенный товар, земледельцы выращивали сельскохозяйственные культуры, а жрецы исполняли страшные обряды, заведенные многие столетия назад, посвящая пролитую человеческую кровь и вырванные сердца своим безжалостным богам.

День начинался под громкие удары барабана, а далее главный жрец государства, не стесняясь присутствия Монтесумы, вещал о том, что империя ацтеков умерла в тот самый момент, когда император склонил голову перед чужестранцами. Разрезая обсидиановым кинжалом себе лицо, он впадал в транс и сообщал о том, что великое ацтекское государство не продержится и года и что на его обломках воцарится новое. Прежние святые будут безжалостно затоптаны, статуи богов разобьют на куски, храмы разрушат, а там, где сейчас находится жертвенный камень, будет возвышаться крест.

Прошло полгода после вступления испанцев в Теночтитлан. О бескровном взятии города было сообщено испанскому королю Карлу Пятому, и тот, в знак прибавления к своим прежним землям новых владений, прикрепил к короне огромный рубин, отличавшийся от прочих камней глубоким пурпурным цветом.

* * *

Все сокровища Нового Света отныне должны принадлежать испанскому королю, а потому распоряжение Карла Пятого было простым: золото грузить на фрегаты и везти к берегам Испании. Следующим приказом испанский король наделил Эрнана Кортеса особыми полномочиями, назначив губернатором обретенной земли и присвоив чин капитан-генерала.

Губернатор Кубы Веласкес неожиданно вспомнил про старые обиды, про обесчещенную свояченицу и направил в Теночтитлан большой рыцарский отряд, обязанный доставить Эрнана Кортеса на Кубу закованным в железо. Не пожелав искушать судьбу, Кортес уехал из города и обещал вернуться только тогда, когда рыцари уберутся восвояси. Покидая дворец, капитан-генерал со смехом сказал, что было бы неплохо, если бы Веласкес приехал в город лично, а уж он со своей стороны сделал бы все возможное, чтобы препроводить бывшего родственника к жертвенному алтарю ацтеков.

Сказанные слова докатились до ушей губернатора Кубы, и тот поклялся, что не успокоится до тех самых пор, пока не предаст Кортеса в руки святой инквизиции.

Неприятности начались сразу после Пасхи. Гонец, прибывший из Теночтитлана, – тощий рыжий сержант с обветренной кожей, валившийся с коня от усталости, – сообщил о том, что гарнизон, оставленный в столице, большей частью был пленен вместе с лейтенантом восставшими ацтеками, а солдаты, сумевшие спастись, организовали оборону в одном из дворцов города. И если капитан-генерал Кортес не подоспеет к окруженным в течение суток, то остатки испанского отряда будут уничтожены или пленены, а затем сложат свои головы на жертвенном алтаре.

Объявив сбор, командор немедленно отбыл на помощь лейтенанту. Еще через десять часов Кортес был во дворце Монтесумы и, отеснив стражу, вошел в тронный зал, где император обедал под тяжелыми расшитыми занавесками.

Выдернув из ножен меч, разгневанный завоеватель распорол ткань и с лицом, перекошенным от злобы, приблизился к невозмутимому императору, который в одиночестве поедал шматок мяса из большого золотого блюда.

Монтесума оставался безмятежным, он лишь посмотрел на занесенный меч, а потом с аппетитом откусил очередной кусок, выказывая тем самым презрение к смерти.

– Ни один из смертных не должен видеть, как император ест. Нужно оказать ему уважение, – негромко подсказала подошедшая Малинче.

Сунув меч в ножны, Кортес произнес:

– Я не силен во всех этих дикарских этикетах. А по большому счету мне на них просто наплевать. И если потребуется, то я засуну этот кусок мяса ему в глотку и буду держать его до тех пор, пока он, наконец, не сдохнет! Вот что, Малинче, переведи ему: какого дьявола он захватил в плен моего лейтенанта и его людей? Это заговор?

Малинче перевела. Император распрямылся, теперь, когда он стоял рядом с Кортесом, было понятно, что он не только силен, но еще и очень высок.

Где-то у входа прозвучали выстрелы, сотрясая своды. Потом грохнул залп. Это испанский отряд отстреливался от наседавших ацтеков. На лице императора не дрогнул ни один мускул; некоторое время он молчал, как если бы рассчитывал на продолжение, а потом быстро заговорил.

– Что он там лопочет?

– Монтесума сказал, что не имеет никакого отношения к захвату испанцев. Они сами напали на ацтеков во время праздника. Сначала они отрубили руки и ноги барабанщику, потом поубивали главных жрецов храма и многих воинов, и тем ничего более не оставалось, как ответить на нападение и захватить большую часть отряда в плен. И теперь их ждет жертвоприношения богу войны.

– Почему он не прекратил расправу?

Малинче перевела. Император покачал головой и отвечал:

– Сейчас у жрецов больше власти, чем у меня самого. Жители меня не слушаются.

– Не слушаются, говоришь... Сейчас ты пойдешь к своим дикарям и скажешь им, чтобы они немедленно отпустили лейтенанта и его людей. Если не хочешь умереть.

Женщина выслушала короткий ответ и повернулась к Кортесу:

– Монтесума сказал, что не боится смерти, и приготовился к ней в тот самый день, когда испанский отряд вошел в город.

– Если ты сейчас не подойдешь к окну и не прикажешь своим людям разойтись, тогда мне придется подгонять тебя кинжалами.

Помолчав, император грустно произнес:

– Мне очень жаль, что мы с тобой в ссоре, брат. – И вышел на террасу.

Ацтеки, заполнившие площадь, в ожидании умолкли, а потом Монтесума что-то заговорил прямо в напряженные лица собравшихся.

– Что он там лопочет? – повернулся Кортес к Малинче.

– Он говорит, что нужно освободить лейтенанта, и тогда испанский отряд уйдет.

– Что за бред?! Мы никуда не собираемся уходить. Это земли короля Карла Пятого, и я, как губернатор этой земли, представляю здесь его волю!

Слова императора ацтеки встретили гневными криками, в Монтесуму полетел град камней, два из которых просвистели рядом с его головой. Даже не пытаясь увернуться, он продолжал стоять на террасе и что-то горячо говорил прямо в неистовую толпу. Потом вдруг резко повернулся и покинул террасу.

– Что сказали ему эти дикари?

– Ацтеки не желают его слушать и говорят, чтобы он немедленно спускался к народу, был рядом с ними в минуты наихудшего испытания для их государства, а иначе они приволокут его на площадь за платье.

– С этими дикарями вечно что-нибудь не так. Никогда не знаешь, как они поведут себя в следующую минуту.

– Командор, если толпа ворвется во дворец, то она разорвет нас в клочья. Уверяю вас, в этом случае нам не помогут никакие ружья.

– Надо убираться из этого чертового города как можно дальше. Мы вернемся сюда с большим гарнизоном и возьмем в руки город!

Капитан-генерал Кортес подошел к окну. На площади перед дворцом собралось не менее тридцати тысяч индейцев. В первых рядах, вооруженные копьями и боевыми топорами, стояли воины. Среди возмущенного моря людей они выглядели каменными изваяниями, какие конкистадор наблюдал перед святилищами. Кортес, знавший законы войны, отчетливо представлял, что застывшие лица свидетельствуют о решительности. Достаточно всего одной искры, пущенной в толпу, чтобы подмять и уничтожить караул с направленными в толпу ружьями.

Собравшиеся ацтеки подались вперед, потеснив отряд испанцев. В глазах молодого сержанта, почти юноши, Кортес заметил откровенный страх. Парень был молод, переполнен честолюбивыми планами, которые могли в одно мгновение закончиться под ударами ритуального ножа на ступенях храма. Наверняка где-то в Испании сержанта ждет красивая невеста, которой будет даже не суждено узнать, какой страшной смертью погиб ее суженый.

Стараясь унять нахлынувший ужас, он неистово закричал, гневно взмахнув мечом:

– Разойтись! Разойтись!

Яростный крик сержанта ацтеки приняли за вопль отчаяния. Толпа колыхнулась, но лишь затем, чтобы в следующее мгновение еще более потеснить испанский отряд.

Предупреждающе грохнул оружейный выстрел. Толпа разом отхлынула, обнажив перед дворцом аккуратно выложенную каменную плитку. На какое-то время на площади установилась тишина, потом в испанских солдат вновь полетели булыжники.

Немолодой индеец с глубокими шрамами на лице вышел вперед, держа в одной руке деревянный щит, обтянутый кожей, а в другой – дубинку с обсидиановым лезвием. На его нижней губе было золотое украшение, свидетельствующее о том, что он принадлежит к высшей знати. На спине длинными ремнями закреплен небольшой барабан, какой обычно встречается у ацтекских военачальников, чтобы подавать своим воинам команды. За ним осторожно двинулось полторы дюжины индейцев из его личной охраны. Этим смертью не испугаешь. Даже если их перестрелять из пищалей, то следующий выдвинувшийся отряд индейцев покрошит испанцев на куски.

Кортес понимал, что располагает минимумом времени. Возможно, уже через мгновение он услышит на лестницах дворца топот сандалий воинов и их душераздирающий боевой клич.

– Ацтеки не желают нас выпускать. Они хотят всех нас убить, – спокойно объявила Малинче, видно подготовившись к неминуемой смерти.

Если бы не губы, дрогнувшие при последних словах, страха было бы не распознать.

– Сделаем вот что, пускай Монтесума скажет им, что проводит нас до окраины города.

Малинче, стараясь не смотреть императору в лицо, как того требовал обычай, быстро перевела. Император что-то резко ответил.

– Он отказывается выходить из своего дворца.

– Скажи ему, что если он не послушается нас, то умрет. У нас просто нет другого выхода!

Монтесума посмотрел на Кортеса, который учтиво улыбнулся и в знак почтения даже слегка наклонил голову. Император вновь вышел на террасу. Толпа, узревшая своего императора, затихла. Некоторое время он что-то говорил, а потом вернулся в комнату.

– Он сказал все, что от него требуется? – повернулся Кортес к побледневшей Малинче.

– Да.

– Чего встали? – прикрикнул Кортес на солдат. – Хватайте его под руки и тащите в карету.

Двое солдат, взяв императора под руки, повели из комнаты. Император что-то отчаянно выкрикнул, пытаясь освободиться от крепкой хватки.

– Что он там лопочет? – спросил Кортес, повернувшись к переводчице.

– Император говорит, что ни один смертный не должен дотрагиваться до него.

– Нам сейчас не до этикета.

– Если ацтеки увидят, как солдаты обращаются с императором, то они просто убьют их.

И нас вместе с ними... Их не остановят никакие жертвы!

– Проклятье! Отпустите его, – распорядился Кортес.

Солдаты послушно отпустили упирающегося императора. Некоторое время Монтесума стоял посредине комнаты, свирепо раздувая ноздри, а потом неожиданно бросился в сторону окна.

– Не дайте ему уйти! – в отчаянии закричал Кортес солдатам.

Монтесума вскочил на подоконник, чтобы спрыгнуть во двор, но подскочивший солдат с размаху ударил императора в бок кинжалом. Застыв, Монтесума с откровенным удивлением посмотрел на испанца, а потом медленно спустился с подоконника и небольшими шажками, зажав кровоточащий бок, направился к выходу. Взявшись за ручку, потянул ее на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.